

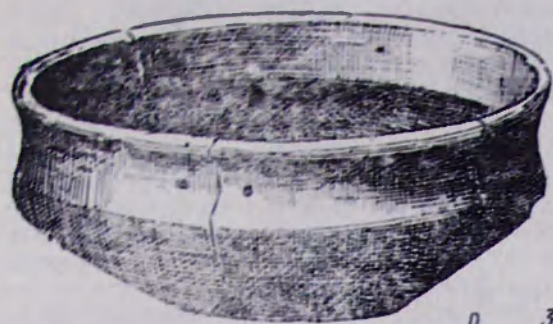
ГЛАВА VI

ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ ВНУТРЕННЕГО ГОРОДА

Кроме остатков западной крепости, более или менее удовлетворительно сохранились руины жилых домов внутреннего города, простирающиеся к востоку от западной крепости на протяжении 2,5 км и занимающие поверхности и подножья трех базальтовых выступов (с, d, e), седловины между ними, а также примыкающие к последним с юга и севера равнинные участки. Количество упомянутых особняков, зафиксированных на дневной поверхности, достигает пятидесяти. Дома эти в древности составляли отдельные кварталы, точную разбивку и планировку которых по сегодняшним данным трудно установить. Исходя из рельефа местности можно предполагать наличие не менее трех кварталов в пределах внутригородской ограды, которые могли бы соответствовать западно-восточному расположению холмов и сетчатой разбивке улиц, принятой в древневосточной градостроительной практике. Переходя к рассмотрению раскопанных жилых домов, мы будем придерживаться условно-поквартального их чередования. При этом, на территории I квартала, непосредственно примыкающего к западной крепости с востока, раскопанные работы не произведены из-за плохой сохранности культурных слоев. Раскопки домов велись на территории II (полевой I) квартала, который занимает центральное положение по отношению к другим, имеет более двадцати особняков удовлетворительной сохранности, из коих исследовано лишь восемь (рис. 38, табл. XLVIII). Дом № 1 сохранился неполностью, раскопан в 1963—64 гг. (А. Израелян, С. Арутюнян). Открытая часть сооружения имеет прямоугольный план, занимает 450 м² площади (рис. 39), состоит из шести сохранившихся и нескольких основательно разрушенных помещений, планировка и функциональное назначение которых установлены частично. Наружные части стен дома сложены из крупных базальтовых блоков, внутренние — из мелких камней облицовки. Внутренняя

поверхность стен обмазана. Над каменным цоколем местами сохранились кирпичи, показывающие, что верхние части стен были кирпичными. Аккуратные дверные проемы имели пороги из обработанных плит туфа или базальта, а также каменные подпятники для оси деревянных дверей. Очень ровный и твердый пол сделан из чистой строительной глины и покрыт сверху тонким слоем белесой прочной массы. Камни цоколя поставлены на прочный грунт без фундамента и до сих пор крепко держатся.

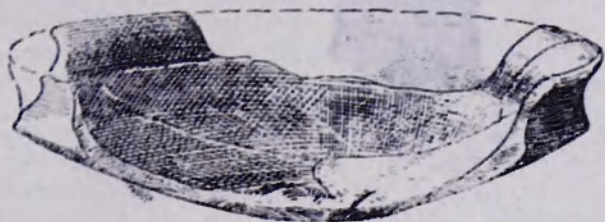
Судя по общей планировке, ядро дома состояло, как обычно, из просторных жилых покоев, вокруг которых группировались сравнительно более мелкие хозяйственные помещения различного назначения. В угловом, северо-восточном, помещении дома был устроен довольно богатый винный погреб с восьмью очень крупными и тремя средними карасами весьма удовлетворительной сохранности (табл. XI.IX, L). В отличие от кармир-блурских или аринбердских, они были вкопаны в земляной пол лишь в донной части, напоминая более западные погреба. Большие карасы несколько отличались от известных своими высокими венцами, прямоугольными и аркообразными углублениями наружной поверхности. Средние же карасы встречены в Аргиштихинили впервые, имеют черную поверхность и несколько горизонтальных рельефных широких поясков на ней. Как видно, это помещение служило погребом достаточно долгое время, так как в нескольких случаях в разбитые, вышедшие из употребления карасы были вдеты новые. На противоположном углу дома размещалось продолговато-прямоугольное скотское помещение с мощным полом и несколькими каменными кормушками (табл. L). В винном погребе дома могло храниться одновременно около 12—13 тысяч литров вина, а в скотском помещении — не менее 30—40 голов мелкого рогатого скота. Над каменной подмосткой

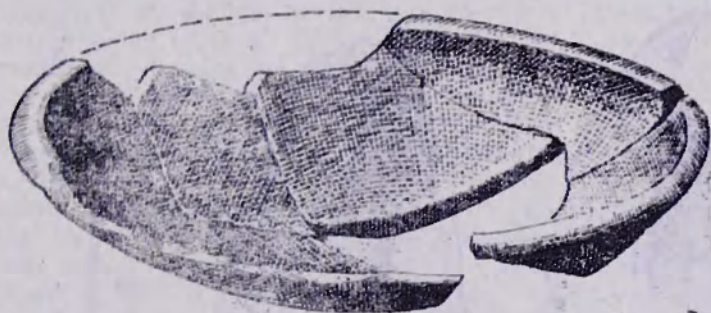
0 3

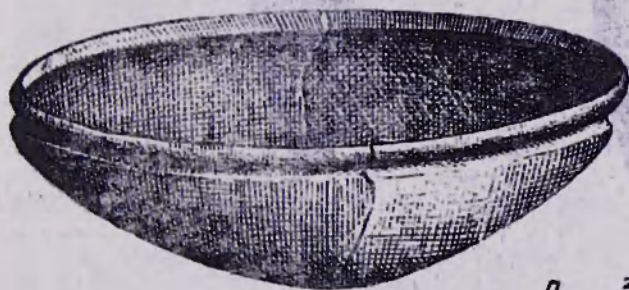
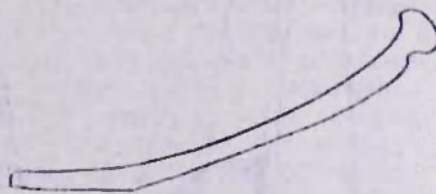
0 3

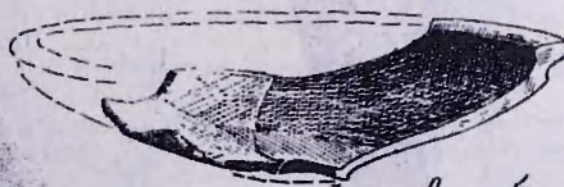
0 1

0 3

0 3

0 4

Рис. 67. Красноангобированные чаши.

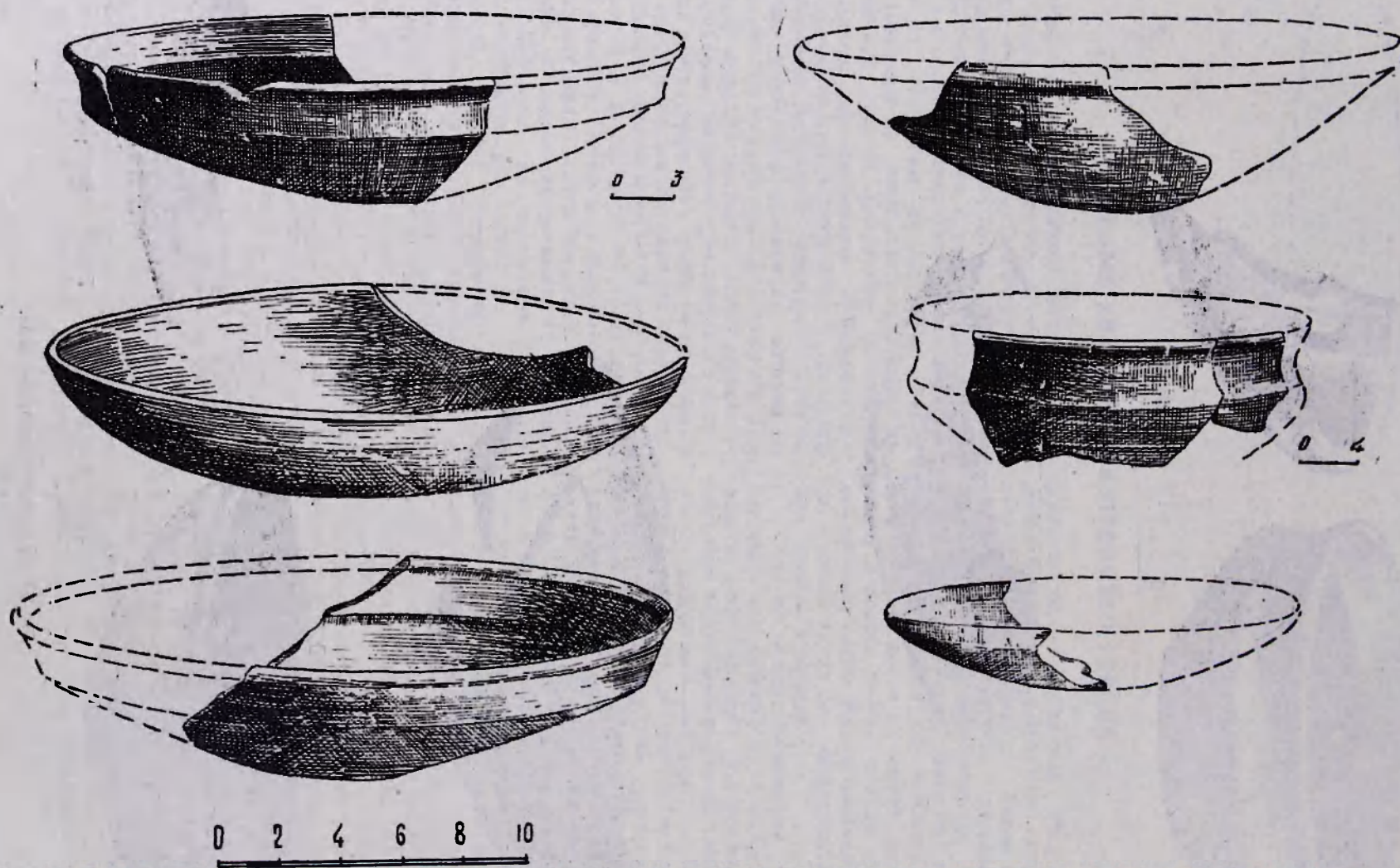

Рис. 68. Красноантигрозаные чаши.

хлеба обнаружен сильно обгоревший слой перекрытия, состоящий из бревен, жердей и камыша и свидетельствующий о том, что дом этот стоял около 200 лет до момента гибели города. На полу пяти других помещений, размещенных вдоль северной и восточной стен, была обнаружена характерная глиняная тара, указывающая на складское и хозяйственное их назначение. Среди керамики особенно большим количеством и размерами отличались сероватые конусовидные чашы, красноангобированные чашечки и фрагментированные одноручные кувшины, которые встречаются здесь, как правило, рядом с карасами. Вполне подтвердилось хозяйственное назначение юго-западного углового помещения, где находились два больших караса в фрагментах, красноангобированные одноручные кувшины, аск, очень тонкие фрагменты чаш VIII в. до н. э. и зернотерки.

На полу разрушенной (центральной) жилой комнаты обнаружена хорошо обработанная туфовая плита (рис. 40) подтреугольной формы с тремя чашечными углублениями для ритуальных сосудов возлияния. Позже было установлено, что в жилых покоях урартских домов имелись свои священные уголки, как это наблюдается в доурартских домах раннежелезной поры. Тут и там на кучах золы и пепла валялись гладкие листовые каменные плиты-жаровни для выпечки хлеба или лепешек. Многочисленны также обломки базальтовых чаш, весьма тонких, профилированных или же грубых, глубоких, порою не завершенных обработкой. При расчистке карасов, на дне одного из них была обнаружена связка железных орудий, которые после реставрации оказались топорами каменотесов. На основе этой находки сделано предположение¹, что раскопанный дом (№ 1) мог принадлежать мастеру-каменотесу, полуфабрикаты продукции которого покрывали территорию многих домов этого квартала.

При обследовании этого дома бросилось в глаза архитектурно-плановое, строительное и бытовое сходство с ранее раскопанными жилыми домами свободного урартского населения города Тейшебани² и на этом основании выдвинуто предположение о высоком достатке всего урартского населения города Аргиштихинили. Это предположение вскоре подтвердилось опросом жителей с. Нор-Армавир, исследованием отдельных участков ранее разрушенных домов на территории внешнего города в западной части Аргиштихинили, а также раскопками всех домов

внутреннего города. Фрагментами больших карасов буквально зазнана вся территория двух крайних западных холмов, западная окраина города, канал, вырытый до начала раскопок и пролегающий вдоль холмов с запада на восток. На территории сельского дачада, на приусадебных участках сельчан (Х. С. Манукян, А. Мстоян, Р. Авдалян, Т. Мелконян и др.) обнаружены внешние кладовые, содержащие 12—15—20 карасов. Весьма вероятно, что эти окраинные дома внешнего города, как и расположенные за южной оградой, принадлежали земледельческому населению города, о чем свидетельствует не только множество внешних погребов и других складских помещений, но и то, что, по свидетельству надписи Сардури II, именно на западном холме этим царем был построен храм бога Халди, «разбиты поля и виноградники, построен новый город», т. е. большой квартал города, не отвлекаясь и где-нибудь, а именно в западной части Аргиштихинили.

Конечно, своим богатством и великолепием особо отличались дома внутреннего города, местопребывания цента городского общества.

Дом №2 (раскопки К. К. Кафадаряна)³ сохранился весьма удовлетворительно в цокольной части (выс. 0,5—1 м), выложен из больших базальтовых глыб и кирпича, внутренние и внешние поверхности стен обмазаны глиной, внешние укреплены равномерно расположенными прямоугольными контрфорсами, расчленяющими глухие поверхности фасадных стен⁴. Парадный вход под навесом расположен в уступе северо-западной стороны. Аккуратно сложенные дверные проемы с подпятиными камнями, порогами и ступеньками связывают между собой все помещения, расположенные на разных уровнях, согласно рельефу местности. Здание прямоугольное, с размерами сторон 27×23,8 м и общей площадью 614 м² (рис. 41 табл. I.I—I.II). Ядром дома является прямоугольный центральный зал в 77 м² с шестью дверными проемами (связывающими все помещения) двумя базами от деревянных колонн для конусовидного перекрытия с верхним световым колодезем, служившим также для вытяжки дыма от очага, открытого в центре зала (пом. №3). Подобные залы, обнаруженные нами в урарт-

¹ К. К. Кафадарян, Новые данные по архитектуре Урарту, СА, № 3, 1967, стр. 242—245.

² По внешним очертаниям дом этот повторяет известный в Тейшебани большой секционный дом (см. А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., рис. 98), а также сильно пострадавший дом, открытый в последнее время в городе Русы в окрестностях с. Бадам Иранского Азербайджана (см. W. Kleiss, уксоч., рис. 7).

¹ А. А. Мартиросян, Город Аргиштихинили, СА, № 4, 1967, стр. 229.

² А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, рис. 42—43, 50, табл. 2.

ских домах, служили местом собрания семьи, вернее, большесемейной общины, характерной кровно-родственной хозяйственной ячейки урартского общества. К северу располагалась такая же большая жилая комната с

рестроек, разбивших одно большое помещение на три комнаты, фактически на самостоятельную отдельную квартиру с хлевом. Из-за этого еще в урартское время были заложены восточные дверные проемы. Вокруг этих двух

Рис. 69. Красноглазурованные двуручные кубки.

четырьмя дверными проемами. Судя по многочисленным аналогиям, подобные комнаты, как и центральные залы, имеют очаги, деревянные колонны и конусовидное перекрытие и световой колодец, однако многие из этих деталей утрачены из-за позднеурартских пе-

больших помещений группировались девять комнат по периметру здания, служивших для хранения больших запасов сельскохозяйственных продуктов и хозяйственно-бытовых нужд. Функциональное назначение большинства этих комнат совершенно очевидно. Поме-

шения восточного отсека были связаны с выпечкой хлеба. В одном из них находилось пять больших карасов-зерновиков и загороженный уголок для муки (табл. LIV) (№ 11). В другом — урартская тара (№ 10), чаши, кувшины, в следующем — цилиндрический глиняный тонар для выпечки хлеба и большое толстостенное, добротное лошечное глиняное корыто овальной формы, с высокими бортами для обработки теста (№ 9). В углу VIII помещения находился каменный очаг, что позволяет предполагать жилое его назначение. Возможно, что здесь жил пекарь. Кухня располагалась за центральным залом, имела каменный очаг с золотой, глиняной низкоробортовой жаровней над ней и рядом — цилиндрический тонар. Вся площадь этого помещения была завалена обломками разнообразнейшей сильно законченной посуды (карасиков, пивного сосуда, горшков, кувшинчиков), многочисленными ступами, пестами, зернотерками (№ 16). В углу соседней комнаты стоял большой одинокий карас, либо от консервированного мяса, либо от топленого масла. Во II помещении находился винный погреб с восемью дозатою вместительными карасами. В общей сложности в этом доме обнаружено 14 больших и более двух десятков малых карасов. Назначение двух остальных помещений (№ 1, 5) не выяснено, так как культурные слои их были окончательно смыты.

Как видно из вышеизложенного, дом № 2 принадлежал, несомненно, состоятельной семье. Об этом свидетельствуют добытые раскопками помещений этого дома достаточно разнообразные и богатые остатки материального производства и, главным образом, целый ряд замечательных находок — остатков былой роскоши этого уютнейшего особняка. К их числу принадлежит чудесно обработанная большая базальтовая декоративная чаша на низком поддоне, какие украшают помещения дворцов Тейшебани и Эребуни, превосходные образцы столовой посуды, красноангобированные тонкие одноручные кувшины и чаши VIII в. до н. э., повторяющие формы металлических пил, сигарообразные, так называемые «пивные» сосуды с урартскими клеймами в виде башенок с древом жизни, встречающиеся на бронзовых чашах, посяющих имя царя Сардури, на одном сосуде цитадели города Тейшебани, а также чудесный бамбовидный горшочек, покрытый красным антобом и посяющий на плечиках пояска, отполированный на мягкой глинной откаткой цилиндрической печати, на которой выгравированы древо жизни, козлы и лавы по обеим сторонам. Мотив этот весьма характерен для памятников искусства Урарту и Ассирии VIII в. до н. э. Наконец, в одном из помещений этого

дома найдена онксовая гиревидная печать с изображением оленя на нижней плоскости и другая же подобная печать — в нескольких метрах от входа этого дома, с изображением головки лошади также на нижней плоскости. Полуфабрикаты урартских печатей гиревидной и других форм обнаружены в помещении малого храма западной цитадели Арташата. Это указывает на то, что здесь широко применялись печати должностными лицами, одним из которых в данном случае мог быть хозяин этого дома. Этот дом мы условно называли домом «держателя печати» (LUNARIB), важного должностного лица, засвидетельствованного для городов Урарту письменными документами.

Дом № 3 (раскопки К. К. Кафадарян)⁵ сохранился значительно хуже второго, чудесно вписан в рельеф, выстроен из колоссальных каменных глыб, которые подчас прерываются выступами скал, обработанных в виде поверхности стены. Таким же образом для устройства пола помещений выровнены стальными молотами острые части выступающих глыб. Дом этот находится напротив второго, на восточном конце внутренней оборонительной стены. Сохранившаяся часть дома имеет трапезовидную форму, состоит из шести помещений, центральный из которых занимает 36 м² площади, имеет четыре дверных проема, связывающих все комнаты, центральный круглый очаг с гладкой плитой на дне и вертикально поставленными боковыми камнями (рис. 42, табл. LIII—LIV). Судя по наличию очага и цилиндрического малого тонара в северо-восточном углу, перекрытие этого помещения также имело конусовидную форму со световым колодцем в центре, хотя оно не нуждалось в деревянных подпорках. К южной и северной стенам помещения пристроены продолговатые узкие скамьи, сделанные из рядов мелких камней, заполненные глиной и обмазанные сверху. Общая длина этих скамьей около 8 метров и вместимость около 30 человек. Эти важные детали ясно указывают, что подобные комнаты действительно служили для семейных советов, сборов, празднеств и т. п. Общая комната сообщалась с двумя южными подсобными помещениями через узкий коридор и непосредственно с восточной маленькой комнатой. Как видно по фрагментам боковых стен, дом этот имел еще другие хозяйственные помещения, которые в общем-то свидетельствуют о высоком экономическом достатке хозяев этого дома. Вполне удовлетворительно сохранилось примыкающее к центральному с севера складское помещение (винный погреб), которое и указывает на богатство жильцов. Эта обшир-

⁵ К. К. Кафадарян, ук. соч., стр. 246—247.

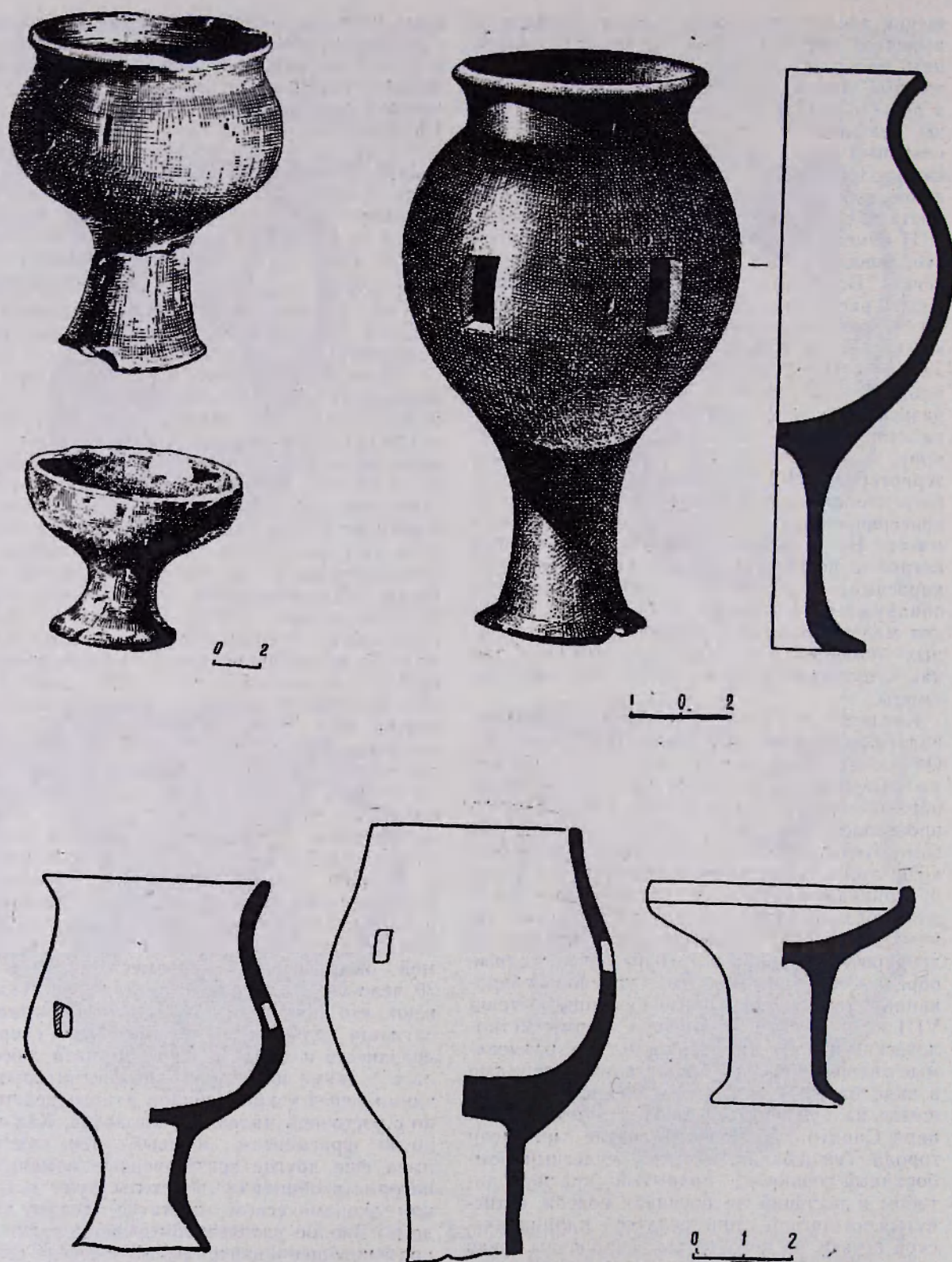

Рис. 70. Курильницы и вазы из Аргистихинили и Тейшебаини.

ная кладовая углублена в материковый грунт более чем на 1 м, в восточной части имела возвышенную площадку с девятью большими выкопанными карасами и три каменных пилы по продольной оси для поддержания вы-

затем, быть может, и в свалку, в котором археологи обнаружили достаточно богатый материал, очень разнообразный и взаимно исключаящий. По-видимому, здесь хранилась столовая и парадная посуда, огромное

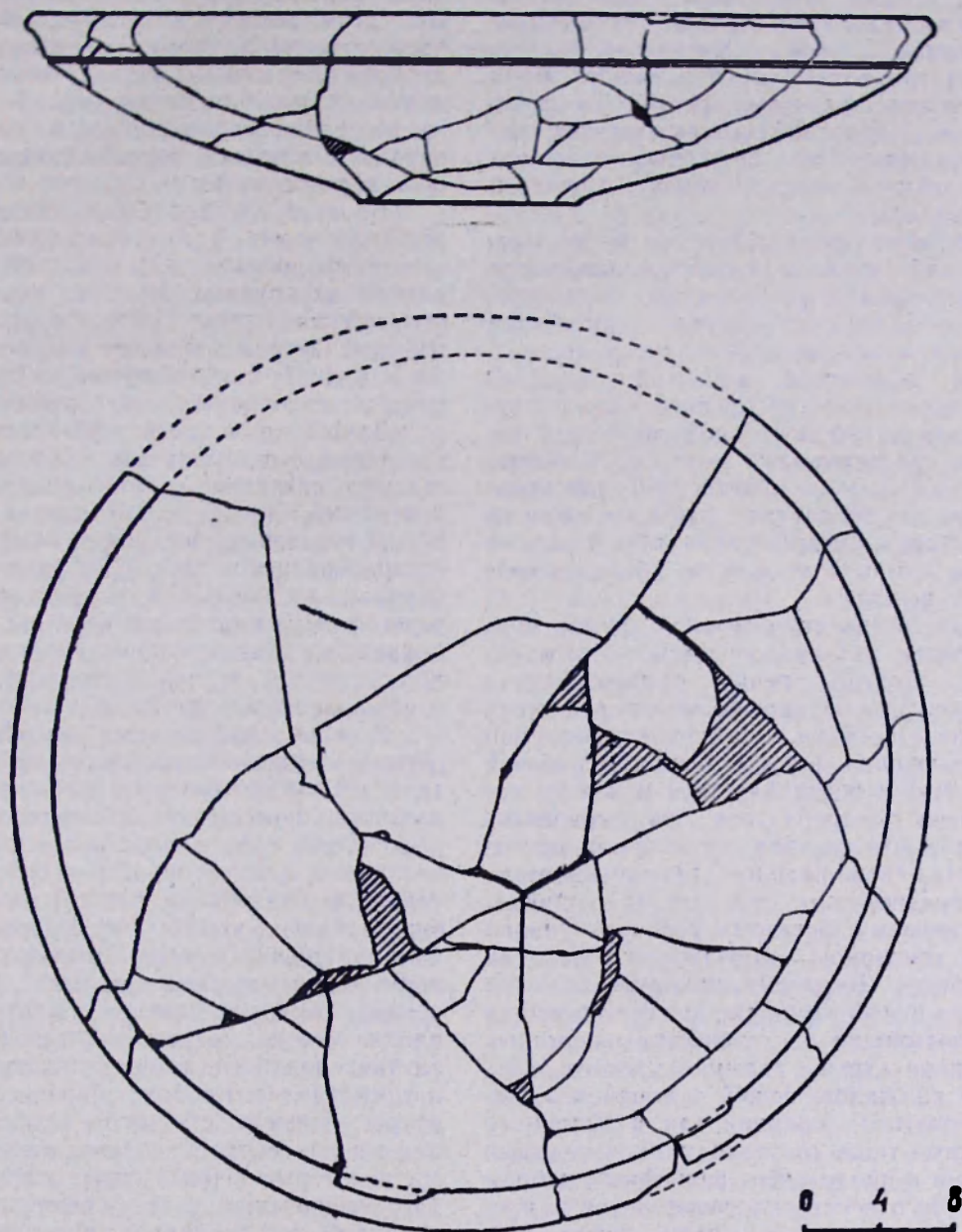

Рис. 71. Большое парадное блюдо.

сокой деревянной кровли. Архитектор экспедиции К. К. Кафадарян полагает, что западная углубленная часть винного погреба также предназначалась для карасов, которые почему-то не были установлены⁶. Эта часть комнаты была превращена в складское помещение, а

⁶ Там же.

количество глубоких и мелких красноангобированных чаш с тонко профилированными венчиками, открытые и полусферические вазы на высоком поддоне, чашечки аришбердского типа с вертикальными кольцевыми ручками, глубокие полусферические или полужайцевидные тонкостенные, темно-красного ангоба чашочки—прототипы раннеармянских, одноруч-

ные характерные урартские красноангобированные кувшины для хранения жидких продуктов и много другого. Здесь хранилась также более крупная хозяйственная тара и кухонная посуда урартских и местных типов—разнообразнейшие горшки, малые карасики, большие глубокие миски и прочее. Многие из урартских сосудов имели метки мастеров в виде прорезных крестиков и стрел, метки—в виде нероглифических хеттских знаков, нероглифические кружочки—меры емкости и клейма в виде башенок с деревом и бычьих головок.

Совершенно разнообразен и богат комплекс орудий труда и бытового инвентаря земледельческого и ремесленного характера. Среди земледельческих орудий и инвентаря выделяются железные лопаты, ножи, серпы с остатками деревянной рукоятки, крупный обломок деревянного обгорелого ярма с выгнутым концом, разнообразной прочности веревки из растительного волокна, крупные фрагменты железного решета, чудесная большая корзина, обтянутая большим куском тонкой материи, замечательно обработанные точильные камни и множество более второстепенных вещей.

Вторая, очень значительная группа орудий состояла из продолговатых, четырехугольных, круглых рсчных камней с очень гладкой и сильно полированной поверхностью, служивших ложилами, и из множества орудий разнообразнейших форм с вогнутой рабочей поверхностью и вертикальными ручками, которые могли употребляться для выравнивания поверхности сосудов в гончарном производстве. На основе находок этих орудий можно было предположить, что дом № 3 принадлежал хорошему, богатому гончару. Однако орудиями гончарного производства дело не исчерпывается. В рассматриваемом помещении найден целый комплекс предметов вооружения, состоящий из множества железных наконечников стрел кармир-блурского типа, обломков кинжалов, ножей и копий и остатков чешуйчатого панциря так называемого «сирийского» типа, составляемого железными пластинами с продольным рельефным ребром и концевыми отверстиями, через которые продевались металлические нити скрепления. Наличие такого дорогостоящего доспеха, доступного только высшим чинам ассирийской и урартской армии, делает допустимым предположение о том, что некогда здесь обитал довольно знатный воин местного гарнизона. Подобная категория урартских воинов (Li KUR. KUR-e) из «таги» (знатных) известна из ряда ассирийских документов. Представители ее занимали, несомненно, высокие должности в местном гарнизоне. Возможно, что впоследствии дом этот перешел

в руки мастерского гончара. Такое предположение допустимо потому, что в доме № 3 наблюдаются поздние пристройки и в связи с этим некоторые помещения, в частности карасное, были заброшены при жизни города. При этом, железные стрелы разбросаны непосредственно на полу помещения, в самом древнем горизонте культурного слоя, без колчанов, чешуйки панциря, давно вышедшие из употребления оказались на дне карасов, наравне с плетеной корзиной, также пришедшей в негодность.

Во всех случаях былое богатство владельцев этого дома фиксируется такими остатками роскоши, как фрагменты разнообразнейших крупных бусин из египетской пасты, агата и сердолика, художественно оформленные детали утеряных предметов из гранита, браслет с зарубками и шейные гладкие гривны из бронзы.

Другое помещение (№ 2) этого дома, соседящее с центральным залом и непосредственно связанное с ним, оказалось хозяйственным. Здесь обнаружены зернотерки, обгорелые зерна пшеницы, ячменя и проса, сигарообразный «пивной сосуд», красноангобированные, большой и среднего размера черные сосуды, а также крупные фрагменты большого толстостенного глиняного корыта для теста, не отличающегося от найденного в пекарне дома № 2.

В связи с раскопками дома № 3 следует обратить внимание еще на одну важную деталь. В юго-восточном углу центрального зального помещения обнаружена плита из рыхловатого туфа с чашечными углублениями различных диаметров. Как выяснилось впоследствии, подобные плиты находились в определенных уголках центральных семейных помещений вместе с хорошо обработанными вертикальными камнями, которые, вероятно, заменяли статуи своих домашних идолов или же урартских богов. В некоторых случаях подобные камни чудесно обработаны и представляют собою барельефные скульптуры божеств. Было бы весьма логично и естественно связать с этими камнями-статуями некоторые керамические изделия культового назначения, как фрагменты сосудов с носиками для возливания, курительницы на высоком поддоне и с прямоугольными отверстиями на корпусе, большие красноангобированные блестящие урны с двумя поясками больших треугольных шевронов и малых размеров двуручные кубки с зооморфным оформлением верхних частей ручек. Эти сосуды оказались в складском помещении дома № 3, но в других местах они часто выявляются *in situ*. Наличие священного уголка в центральном помещении каждого урартского дома аргументируется и тем, что именно эти поме-

шения служили *большесемейному* совету и отправлению положенных религиозных *пере-мений* и ритуалов. Именно подобная ситуация зафиксирована нами в доурартских жилищах, раскопанных под жилищами кварталов города Тейшебаини, где домашние идолы (т. е. священные устои) размещались в центральном помещении с глинобитными скамьями над зерновой ямой и, где антропоморфные их каменные изваяния часто заменялись гладко обработанной прямоугольной плитой рыжеватого туфа, вделанного в кладку стены.

Дом № 4 (раскопки А. Р. Израелин, С. Г. Доведжан) находился между вторым и третьим, сохранился плохо, раскопан лишь частично. Стены этого дома разрушены так, что различие уголков его помещений не удается связать даже после раскопок. Дело усугубляется и многочисленными позднеурартскими перестройками. При этом стены западной части помещений местами сохранились до двухметровой высоты, в других местах — в один ряд кладки. В западной части дома удалось зафиксировать наличие коровника с перегородженным продолговатым участком стойла. В восточной части уцелело кухонное помещение с круглым каменным очагом, мощным слоем угольков, золь с глиняной жаровней посредине. На кухне обнаружено множество фрагментов простой битой посуды, подчас с метками мастеров (кресты, стрелы). Повсюду наблюдаются следы сильного пожара. В этом слое вместе с керамикой обнаружены фрагментированные базальтовые чаши, зернотерки, песты, обломки ступ (табл. LV, рис. 43а).

Дом № 5 (раскопки А. Г. Кифишина) крайне западный из раскопанных на этом участке, был сложен из аккуратных, оббитых базальтовых блоков, имел угловые мелкие башенки и равномерно расположенные контрфорсы. Высота стен сохранилась от 0,5 до 1,6 м, в отличие от других домов выстроен на культурном слое доурартского периода, поэтому полы были выровнены бутовкой, очень сильно утрамбованной глиной и белесой добротной обмазкой (рис. 43б).

В прошурфованном участке помещения № 1 слой уходил на глубину 2,2 м. При этом урартский пол находился на глубине 0,9 м от поверхности кладки. Затем простирался этот слой мощностью 0,85 м с остатками костей, доурартской закавказской керамики и горелых бревен, жердей, камыша на глиняном полу. Далее углублялся новый горизонт, сильно насыщенный костями животных. Нет сомнения, что второй «пожарный» слой отображает превратности судьбы местного населения в период захвата урартами Араратской равнины. Такая картина наблюдалась также в городе Тейшебаини.

Квадратный план строения, занимающего 350 м² площади, был разделен продольной глухой срединной стеной на две части. Вероятно, в южной изоллированной части располагался большой продолговатый коровник, как и в других домах. К сожалению, эта пристройка сильно разрушена и о точном функциональном назначении ее трудно судить. Северная сохранившаяся раскопанная часть дома состояла из четырех помещений, расположенных на оси углового большого зала с востока на запад. В центральном зале четко выделяется два строительных слоя. Первому строительному слою принадлежит сам зал с наружным дверным проемом в северо-восточном углу, с четырьмя базами от деревянных колонн, с разрушенным центральным очагом, продольными скамьями и несомненно конусовидным перекрытием (несохранившимся), прототипом позднейших армянских конструкций. Зал этот занимал примерно 110 м² площади (табл. LVI—LVII). Это большое помещение сообщалось с двумя продольными и поперечным подобными помещениями, занимающими по 35—40 м² площади (каждое). Функциональное назначение этих помещений не установлено из-за полного отсутствия культурного слоя. Дом этот был полностью ограблен или опустошен. Позднее появились новые хозяева, переделавшие зальное помещение и пристроившие, вероятно, южное скотское помещение. С помощью поперечной новой кладки была ограждена дополнительно высокая (40 см) площадка с сильно вкопанными в донной части карасами. Карасная площадка покрыла собой одну из базальтовых баз опоры перекрытия. Другие две базы попали под широкую длинную возвышенную площадку, пристроенную к южной стене мелким камнем и глиняным заполнением. В северо-западном углу бывшего зального помещения продолжала торчать крайне северо-восточная база, которую покрыли новым слоем пола мощностью около 30 см.

Остатки материального производства, сохранившиеся в этом доме, очень незначительны и целиком принадлежат ко второму периоду истории Урарту. Это обычные для Арминтихинили черные карасы средней емкости с горизонтальными поясками корпуса и столь же обычные большие карасы охристого тона, также с широкими поясками. Около этих карасов обнаружены фрагментированный тоненький двуручный кубок, подчетырехугольный точильный камень, красноангобированная чашечка с профилированным венчиком и кольцевым выступом на дне, фрагменты светильника, чернолощеных сосудов закавказских образцов с рядами семячкового орнамента, лопцито, фрагментированная чаша из пористого базальта, интересная

бронзовая булабочка урартской работы и, наконец, большой железный кинжал с петельчатой рукоятью, каковые часто встречаются в урартских памятниках и в погребениях Лал-вара VIII—VI вв. до н. э.⁷

имеет не менее 20 помещений, некоторые из которых еще не исследованы (рис. 45). Однако уже сейчас ясно, что этот жилой комплекс перестраивался и достраивался неоднократно. В центре комплекса—типично урартского

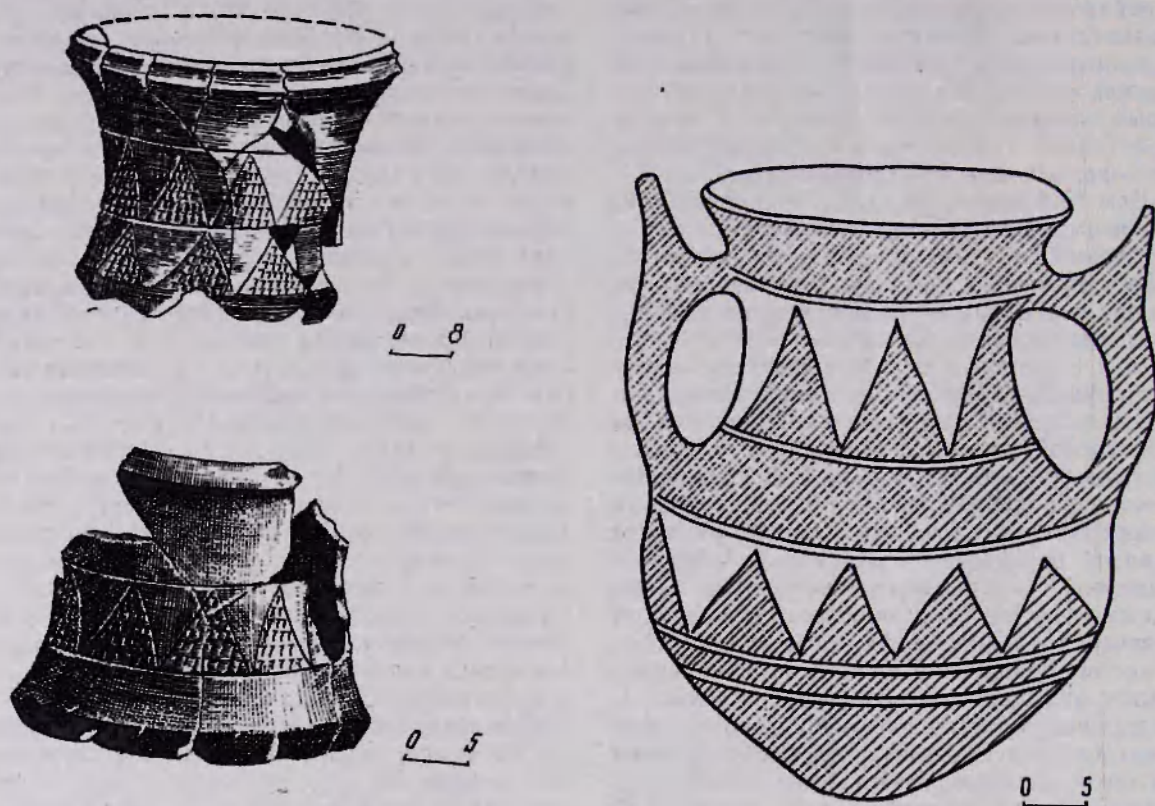

Рис. 72. Парадные кубки с прочерченными шевронами.

Как видно из плана, описанные выше дома располагались в сильно укрепленной части внутреннего города в ложбинке и на скатах холмов. Но следы жилых домов этого квартала тянутся непрерывной цепью в северную равнинную сторону древнего города, которые не исследованы из-за плохой сохранности. Хорошо сохранившиеся дома выявлены и раскопаны на крайне северо-восточном участке II квартала, в районе колхозной свинарни, метрах в 150-ти к северо-востоку от описанных выше домов.

Дом № 8 (полевой № 1 у свинарни, раскопки Р. М. Торосьяна), весьма удовлетворительно сохранившийся в цокольной части, был сооружен из квадров рваного базальта среднего размера очень аккуратной кладкой, сверх которой кое-где сохранились также остатки кирпичных стен. Высота стен местами достигает 1,2 м. В дошедшем до нас виде дом этот

прямоугольного плана жилой дом с колоссальным квадратным зальным помещением—ядром и многочисленными подсобными комнатами вокруг. Это наиболее ранняя постройка комплекса. Впоследствии к нему был пристроен с запада ряд мелких прямоугольных помещений хозяйственного назначения (пом. № 14—18) и с востока (№ 13)—скотское помещение. Пристройки эти сгорели при штурме города и являются свидетелями его гибели. Ранний жилой дом состоял примерно из 14 помещений, наиболее крупным из которых (около 70 м²) являлся упомянутый уже центральный зал. Он имел квадратную форму, две базы от колонн для конусообразного перекрытия, два дверных проема с запада и востока, малую глинобитную скамью, пристроенную к восточной стене, и возвышенную, довольно просторную (около 6 м²) площадку, пристроенную из камня и глины к северной стене. В центре помещения обнаружены остатки переносного глиняного очага, типа обнаруженного в жилых урарт-

⁷ J. de Morgan, Mission Scientifique au Caucase т. 1, погребения N 242, 79, 134, 215.

ских комплексах города Тейшебаини, а в северо-восточном углу — рыжеватая плоская плита из туфа с двумя чашечными мелкими углублениями для сосудов и одним прячуглубшим и глубоким углублением для вдевания прямоугольного подквадратного сечения каменного столбика, заменяющего домашнего идола или божка. Эти камни сохранились и эти и это место являлось, по-видимому, священным уголком большесемейной комнаты. Любопытно, что около этих камней найден фрагмент культового сосуда, выполненный в виде скульптуры лошади. Такое оформление сосуда позволяет полагать, что в подобных домашних священных уголках главным объектом почитания мог быть бог солнца или, что равносильно, верховный бог урартов — Халди. Возможно, что впоследствии эта комната изменила свое функциональное назначение, так как была сдвинута с места вторая база от колонны, в помещении оказались базальтовые зернотерки и железный изогнутый серп. К югу от центрального помещения располагалось такое же просторное помещение (№ 5, 19), которое было разделено позже на две комнаты узкой перегородкой и дверным проемом. Однако интересно, что на полу этого помещения сохранился опять-таки камень от священного уголка. Другая часть прежнего зала была превращена впоследствии в хлев с каменной подмосткой (отстоящей от первого пола на высоте 20—25 м), над которой был сделан еще и третий глинобитный пол на высоте 30—35 см от второго. Это указывает не только на долготелние сооружения, но и на резкую смену функций помещения, в связи со сменой состава его жильцов. Из-за плохой сохранности культурного слоя функциональное назначение остальных подсобных помещений, расположенных по сторонам центральных, выясняется неполностью. Помещение № 2 являлось складским, северо-западный его угол был загорожен кирпичной кладкой в виде прямоугольного амбара для хранения зерна или муки. Такое или близкое назначение имело помещение № 11 с более вместительным загороженным амбаром. Помещение № 12 являлось хлевом с аккуратной каменной подмосткой более 21 м². Такое же назначение имели восточная продолговатая постройка и помещение № 6, превращенное в хлев позднее. Комната № 7 являлась, вероятно, кухней, там оказался каменный бытовой очаг, зернотерки, множество фрагментов посуды, сильно законченный и несколько поврежденный глиняный гончарный круг конусовидной конструкции с суживающимся вертикальным отверстием для деревянного стержня вращения, с гладкими поверхностями и ребристыми боками. Два точно таких же гончарных круга обнаружили сотрудники

экспедиции на поверхности земли возле дома. Здесь же недалеко было найдено каменное изваяние, неизвестного пола назначения. Эта мужская фигура изготовлена из рыжеватого туфа, сохранила корпус, одетый в короткую тунику, бороду, руки, сложенные под грудью, и верхние части ног. В руках он держит какой-то трудноопределимый предмет.

Закономерное повторение находок гончарного круга и каменного изваяния, подобного найденному в ареале дома кузнеца с зоднакальным знаком «стрелец», наводит на подозрение, что дом № 6 мог принадлежать богатому гончару, который имел своего бога, связанного с гончарством. Помимо гончарных кругов в некоторых помещениях дома найдены сильно полированные лопата из речных камней и керамические шлаки, выявленные в хозяйственном помещении № 15.

Кухонное назначение имело, по-видимому, и помещение № 20, в центре которого обнаружена маленькая база от колонны, у восточной стены — большой камень, часть зернотерки из пористого подквадратного базальта, несколько легких овальных терочников. На полу помещения валялись обломки разбитой хозяйственной посуды — карасиков, чаш, горшков. К центральной части южной стены пристроена высокая квадратная скамья для сиденья, рядом — продолговатый большой каменный очаг с боковыми плитами и продольной кладкой обвалтвившихся мелких камней. В этом очаге находился еще и крупный топыр, сделанный из больших прямых черепков керамики. В очаге обнаружены угольки, зола от кизяка и дно большого кухонного горшка. На полу помещения сохранился также сильно фрагментированный железный обломок с рукоятью и основанием широкой, толстой лезвийной части предмета, который напоминает изогнутый кинжал или мощную сечку, которые используют обычно мясники.

Остатки материального производства, обнаруженные в разных помещениях этого дома, также свидетельствуют о зажиточности его владельцев. Там и сям найдены чудесно отполированные фрагменты базальтовых чаш на кольцевом поддоне, фрагменты сосудов с изображениями древа жизни, с процарапанными рисунками головы козла, фрагмента торса и головы лошади, запряженной, по-видимому, в колесницу, фрагменты многочисленных сосудов с метками и клеймами мастеров, обломки металлической посуды, мелких бронзовых булавок, костяных изделий и пр. Зажиточность хозяев дома № 6 видна даже из того, что помещения его запирались добротно сделанными толстыми деревянными дверями и балочным мощным засовом, остатки которых сохранились в овальном отверстии бокового камня двери. По-видимому,

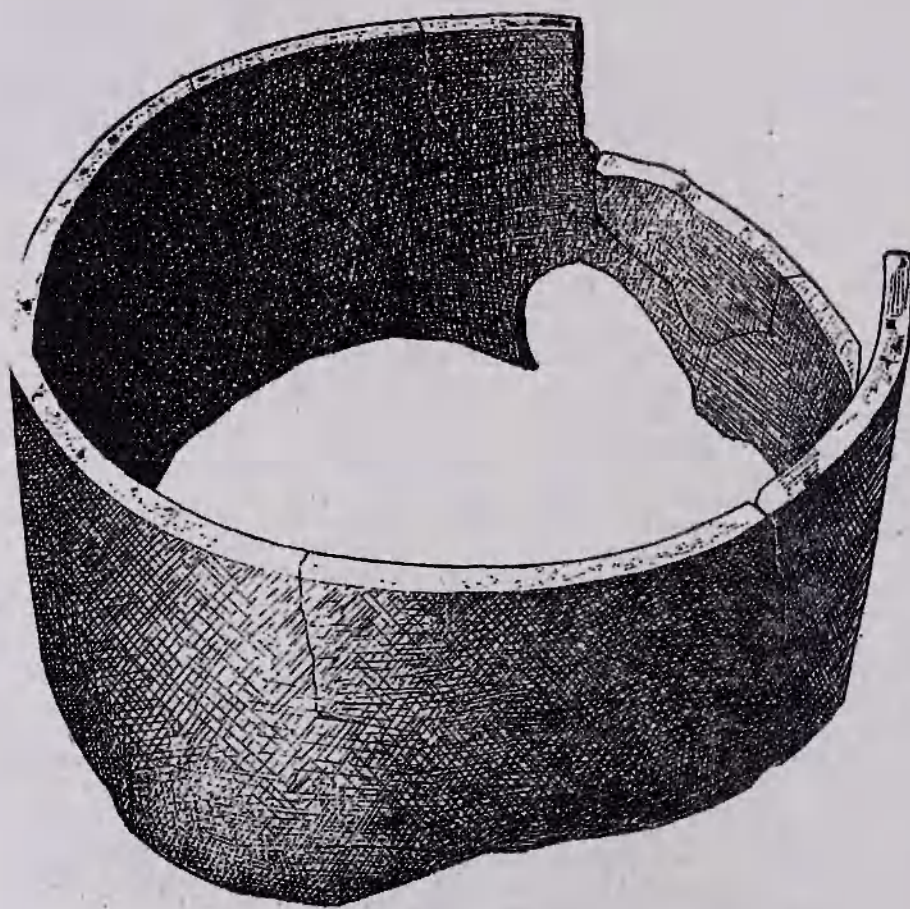
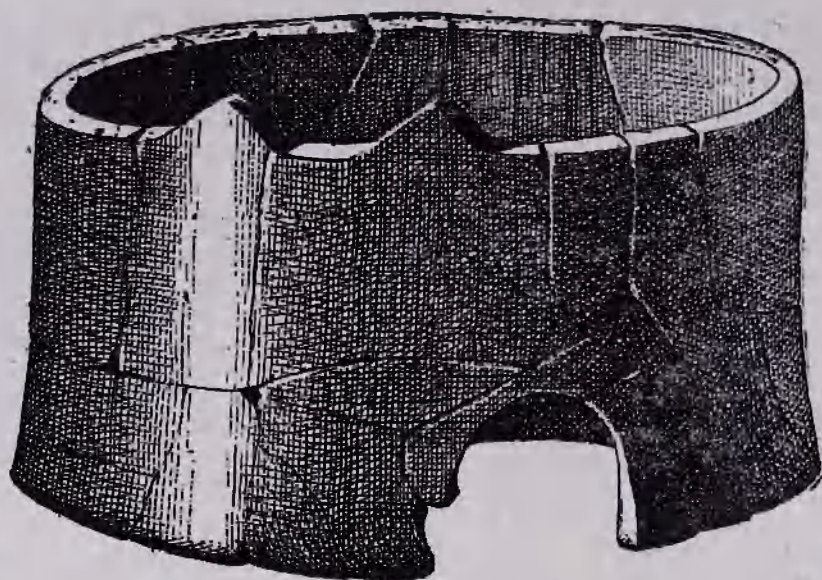

Рис. 73. Урартские очаги-курси крупного размера.

где-то рядом с этим домом протекал арык и дом имел канализацию, от которой сохранились фрагменты каменных труб. Особенно яркую картину быта жителей сохранили хозяйственные помещения (№ 14—18) западной пристройки, культурные слои которых сохранились нетронутыми под остатками обгорелой кровли. Вкратце остановимся на этих слоях. В помещении № 18 под бревнами, досками и камышом перекрытия сохранились полукруглый каменный очажок, зерновая яма, подквадратные углубленные в землю и обмазанные амбарники, заполненные пшеничной и просяной мукой. В юго-восточном углу оказался загороженный квадратный амбарик с остатками пшеницы и ячменя. В крайнем юго-западном углу сохранился большой фрагмент обгоревшей деревянной двери и рядом медный тонкостенный котелочек с дугообразной ручкой. Как будто только что горели балки перекрытия и двери, как будто кто-то выбегал с котелком в суматохе и в пламени пожара уронил котелочек. Такая же картина была в помещении № 15. Под остатками обгоревшей кровли оказались раздавленный карас среднего размера, зернотерки, зерна проса, спекшиеся на железном серпе, обрывки веревки из растительного волокна, железная дужка ведерка, красноангобированные чудесные чашечки, фрагменты очень тонкой базальтовой чашки, бомбовидные кухонные горшки и прочие вещи; в момент штурма и пожара у южной стенки помещения горел подковообразный глиняный очажок, только был оставлен малый горшок с мясной пищей, кто-то бросил на пол грушу, кто-то выбежал с красноангобированной чудесной вазочкой в руках и уронил ее в дверях. Хозяйка покинула свой дом, чтобы больше никогда не возвращаться в него.

Дом № 7 (раскопки Л. А. Петросяна) расположен в нескольких метрах к северо-западу от предыдущего, сооружен из камня и глины, раскопан только в части большого заднего помещения, сохранил каменные базы от колонн и другие детали. В свое время в развалинах этого дома появились раннеармянские могилки, сильно потревоженные урартский слой и позже ограбленные. Тем не менее в рассматриваемом помещении сохранились фрагментированные карасы среднего размера и пара трехручких амфоровидных сосудов, напоминающих металлическую большую сигулу Жемталшского клада⁸.

Дом № 6 (раскопки К. К. Кафадаряна) расположен севернее дома № 3, сооружен из больших базальтовых глыб, имеет четырех-

угольную форму и множество помещений (рис. 44). Помещение № 1 расположено в юго-западном углу, имеет четыре колонны, следовательно, конусовидное перекрытие со световым колодцем и глинобитную высокую площадку-тахту, которая могла вместить от 8 до 10 человек. Вероятно, это была спальня и когда-то имела в центре очаг. Другое жилое помещение (№ 8) дома находится на противоположном углу, имеет два входа, пятиметровую скамью под южной стеной, тахту около 6 м² и прямоугольный очаг из камня. Остальные помещения дома подсобные. Помещения № 3 и 6 карасные — с восьмью нижними частями карасов и множеством крупных обломков от верхних частей. В помещении № 2 размещалась кухня. Здесь были зернотерки. Помещение № 7 связано с кухней, помещение № 5 имеет хозяйственный очаг в углу и замощенную часть в южной половине. Дом этот многократно перестроен, местами зафиксировано по два пола. Первоначально здесь стоял какой-то очень большой капитальный дом, который был основательно снесен. От него сохранились хозяйственная яма в углу помещения № 7, уходящая под ступу рассматриваемого дома, затем углубленный участок бывшей карасной кладовой в восточной части помещения № 1 с огромными фрагментами карасов, великолепно обработанная базальтовая база колонны, тина дворцовых и два подпятника рядом, взятые под скамью помещения № 8. План первоначального дома восстановить невозможно. В открытом своем виде дом № 8 был сооружен одновременно с домом № 1. У одного и того же мастера владельцы этих домов покупали черные карасы с поясками и большие глиняного цвета карасы с углублениями на паружной поверхности. Но и после постройки этого дома имела место реконструкция. Некоторые дверные проемы были заложены и фактически дом был разделен на две семьи с отдельным поселением, но общим хозяйством. Общими оставались кладовки и хозяйственные помещения. Судя по площади, дом (около 250 м²) этот принадлежал не совсем зажиточному горожанину, не имевшему большого хозяйства.

Обитая рядом с каменотесом, хозяин этого дома являлся, по-видимому, резчиком по камню (L. A. DIM. MAX)⁹ урартских клинообразных надписей, профессиональ, очень распространённой в урартской действительности. В помещении № 3 было обнаружено большое количество белых фишквидных камней с отшлифованной нижней плоскостью —

⁸ Е. П. Кривцов, Жемталшский клад, М., 1951, стр. 29—32.

⁹ П. В. Арутюнян, Новая клинописная табличка из раскопок Кармир-Блур, Festschrift Johannes Friedrich, Heidelberg, 1959, стр. 47—48.

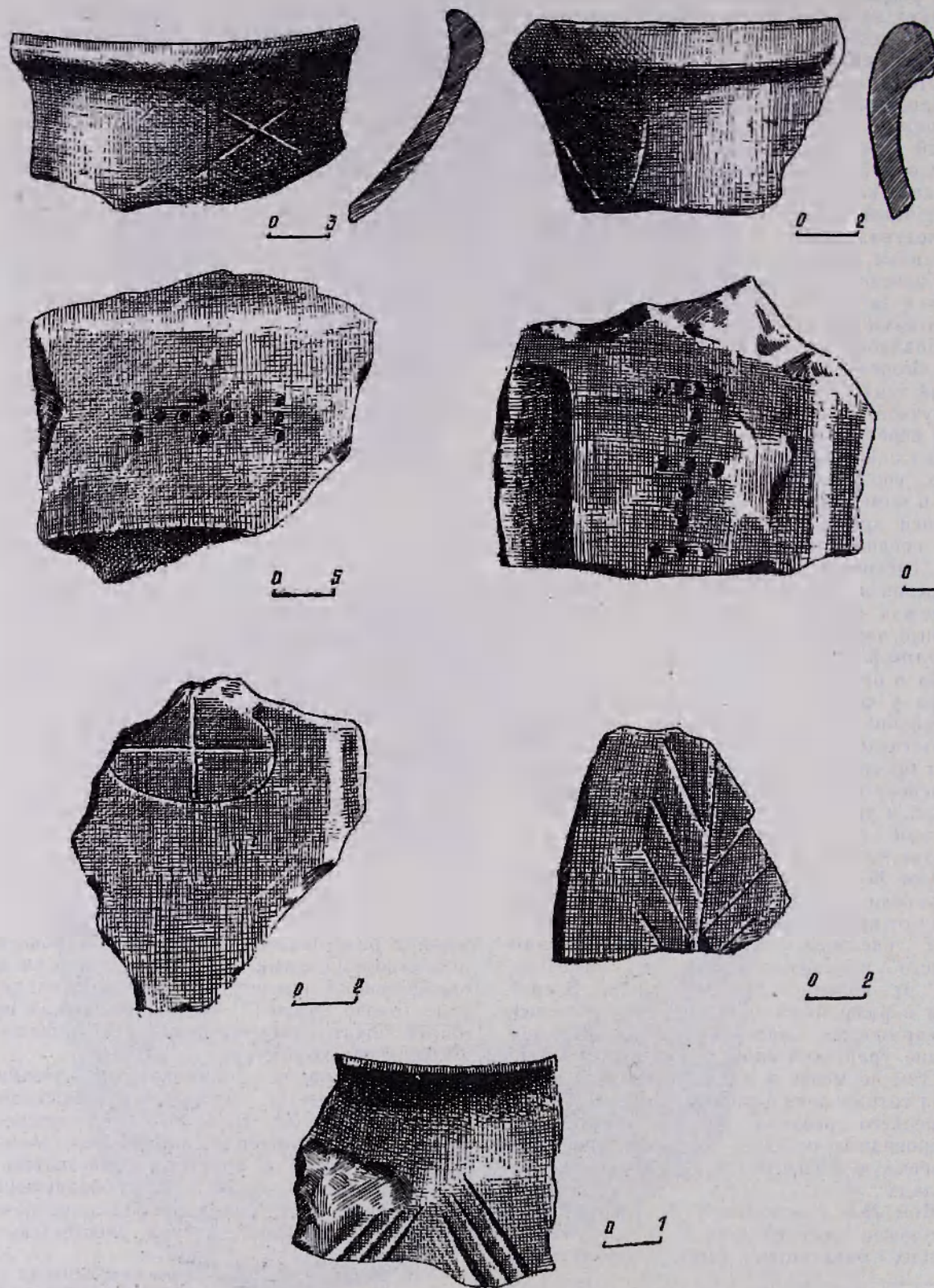

Рис. 74. Меры емкости, знаки, метки и клейма урартских мастеров.

заготовок урартских конусовидных печатей или амулетов, гиревидной урартской печати с закругленной нижней частью и четырехгранной ручкой из белого камня, обработанных кусков крапчатых оттенков камней разных пород, темно-коричневых с каштановыми прожилками и угольного цвета с сильно отшлифованными поверхностями. Найдена заготовка грузила от тканого станка, каковые бываю в армянских селах и ныне с обоюдосторонними углублениями для просверливания и грабешные терочники или лошита.

Остальные находки незначительны. Это бронзовые шила и плоский кругловатый лист (фрагментированный), чудесная фибула с рифленным, резным наливным оформлением дуги, с вставленным в виде человеческой руки, с железной утерянной иглой (найлены в помещении № 3), а также железный фрагментированный серп с очень толстой спинкой и сильно заостренной рабочей частью. В помещениях этого дома были найдены разные типы урартских сосудов. В раннеармянское время, когда дом этот лежал в развалинах, в полу помещения № 3 было устроено погребение, обложенное мелкими камнями по овалу, с двумя сильно пострадавшими скелетами. В погребении сохранились лишь медные проволоочные колечки в фрагментах.

Дом № 1 (III квартал, раскопки А. Г. Киришина, К. К. Кафадаряна)¹⁰. Большое скопление домов зафиксировано на территории наиболее восточного (III) квартала внутреннего города. Из них раскопан лишь один (1965). Он расположен в самом конце квартала, рядом с мощной каменной оградой, на самой высокой точке третьего квартала, на гладкой макушке базальтового вулканического конуса. Он сильно отличался от соседних домов не только своим выгодным расположением, но и квадратным планом, размерами занимаемой площади (около 400 м²), аккуратно сложенными большими базальтовыми квадратами докольных кладок и очень четкой внутренней планировкой (рис. 46). Состоял он из девяти плохо сохранившихся больших и малых помещений разного функционального назначения, из коих особо отличались весьма просторные жилые покои (пом. № 5—6, соответственно по 30 м²), наделенные некогда высокими деревянными колоннами, поддерживавшими громоздкие плоские кровли с конусовидными световыми колодцами. Под этими колодцами, на полу, были устроены центральные очаги квадратных или овальных очертаний, а у стен—невысокие широкие ло-

жи и узенькие приступочки. Менее значительные площади занимали служебные и складские комнаты (пом. № 1—3, 7—9).

Люди урартской крови, вероятно довольно знатные и состоятельные, жили в этом доме около двухсот лет, вплоть до гибели Аргиштихинили.

При осаде и штурме города Аргиштихинили вместе с сотнями других домов был ограблен, разрушен и сожжен также описанный особняк третьего квартала. Богатства его были увезены завоевателями и к моменту раскопок сохранились лишь руины цокольных кладок стен и полуметровый культурный слой, состоящий из рухнувших кирпичей верхних частей стен, остатков кровли—полуобгоревших балок, жердей, камыша, соломы, угольков и золы. Под этим слоем в дверном проеме помещения № 2 были выявлены кости скелета и черепа женщины (с бусами и раковинами каури), одной из обитательниц этого дома и последней свидетельницы катастрофы родного города. Остальные жилцы дома вместе со многими горожанами спаслись бегством, скрылись во мраке веков, не оставив за собою никаких записей о роде и имени своем, о жизни, делах и профессии. Под мощными остатками обвалившейся кровли, на глинобитном полу разных помещений сохранились лишь части скелетов трудноразличимых животных и сильно раздробленные фрагменты обычной урартской керамической тары—одноручных кувшинов охра-красного ангоба, замечательных красноангобированных шпал, мисок и других сосудов. Среди столь банального «рядового» материала внимание наше привлекла группа миниатюрных сосудиков характерных урартских форм, но чрезвычайно мелких, специализированных размеров, обнаруженных в служебных помещениях № 1 и 2 в количестве 40 единиц.

Подобный состав сосудов никогда более не был встречен при обследовании урартских объектов. Сосудики эти разделялись на пять специфических групп. Наибольшим количеством выделялись чашечки с профилированными венчиками, вогнутыми или углубленными донышками (рис. 47). Диаметр их колеблется от 5 до 8,5 см, высота—от 2 до 4 см. Такую же большую серию образуют и приземистые, широкогорлые горшочки с низкоотогнутыми венчиками и горизонтальными резными линиями на плечиках (рис. 48). Размеры их тоже почти стандартны: высота 5—5,5 см, наибольший диаметр корпуса 6—7 см, диаметр горлышка 5—5,5 см. Следующая группа маленьких горшочков также имеет стандартные размеры (высота 5,5—7,5 см, диаметр тулова 5—6 см, диаметр горлышка от 2,5 до 4 см и диаметр донышек 2 см), но отличаются узким и высоким горлышком,

¹⁰ Результаты исследования этого дома см. С. К. Межуев, А. А. Мартirosян, Некоторые данные по урартской медицине. Историко-филол. журн., 1972, № 1, стр. 235—251.

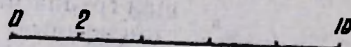
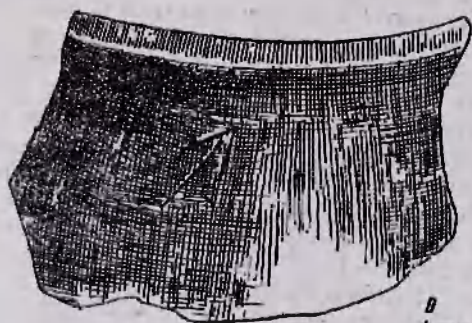
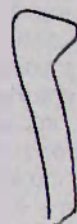
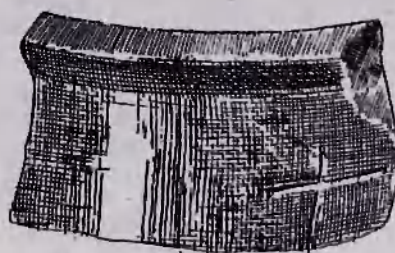
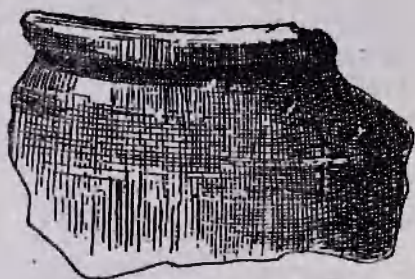
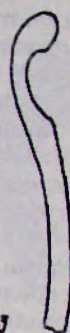
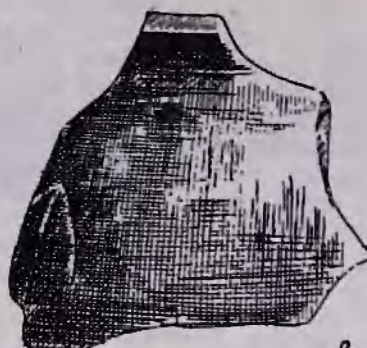
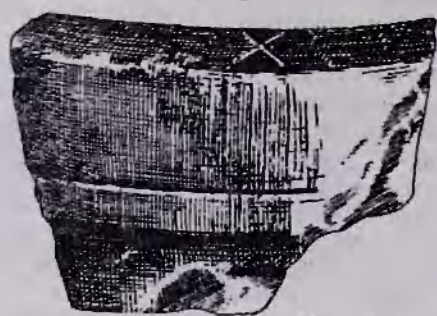

Рис. 75

призматиче или вытянуто-биконическим строением корпуса (рис. 49а, б).

В описываемой группе специализированных сосудов меньшим количеством выделялись одноручные кувшинчики характерного урартского типа с высоким горлышком и сливом (рис. 49в). Высота их составляет 6—7 см, диаметр тулова 5—6 см, диаметр донышек 1,5—2 см, высота и диаметр горлышек 2—2,5 см. Последняя группа состояла из незначительного числа сильно фрагментированных миниатюрных двуручных кубков, крупные аналоги которых являлись, несомненно, ритуальными (рис. 49 г—ж).

Очевидно, что описанные разнообразные сосуды не могли служить кухонной, столовой посудой, хозяйственной тарой и были предназначены для изготовления и хранения веществ особого назначения, незначительных, но весьма определенных доз, какими могли быть, например, всевозможные благовония, мази, лекарственные зелья. На этом основании еще в 1967 году¹¹ было выдвинуто предположение о принадлежности дома № 1 третьего квартала жрецу-врачевателю, человеку специфической профессии, достигшей значительных успехов и пользовавшейся особым уважением на Древнем Востоке. Выявление археологических следов пародной медицины, возникшей в глубине пещр первобытной эпохи, пережившей древневосточную историю и средневековые, было делом весьма заманчивым, рискованным и малодоказуемым. Для надлежащей аргументации (или для опровержения) выдвинутого предположения не было решительно никаких материалов кроме упомянутых выше костных остатков явно не хозяйственных видов животных, выявленных в доме — врачевателя. Определенные органы или части животных, содержащиеся в свое время в доме № 1, могли быть использованы для изготовления разнообразнейших лекарственных средств. При детальном исследовании упомянутого остеологического материала и целого ряда вспомогательных свидетельств были получены чрезвычайно интересные и важные данные, неопровержимо свидетельствующие в пользу выдвинутого предположения.

Ниже приводим сводку данных по палеозоологическому материалу, разработанному С. К. Междумян.

При разборе остеологического материала выяснилось, что из 21 вида диких животных, найденных в раскопках города Аргинтихиниц, 20 видов обнаружены в помещениях дома № 1. С явлением аналогичного характера нам не приходилось сталкиваться ни в одном из

изученных объектов. Беглый взгляд на приведенную таблицу позволяет представить, насколько богат и качественно разнороден состав животных.

Наличие костных остатков слепца, черепахи, ежа, речного бобра, волчонка и других животных позволяет утверждать, что их использование выходит за рамки хозяйственного и охотничье-промыслового значения.

Список животных, найденных в доме № 1

Вид животного	Количество костей	Число особей	Примечания
Джейран	5	4	Пять роговых стержней
Беззубый козёл	2	1	Роговые стержни
Муфлон	1	1	Фрагмент черепа и роговые стержни
Олень	1	1	Часть рога
Ласина	1	1	Обломок левой нижней челюсти с клыком
Барсук	1	1	Левая ветвь нижней челюсти
Волчонка	1	1	Обломок верхней челюсти с тремя зубами (левый)
Заяц	1	1	Нижняя челюсть с зубами (правая)
Речной бобр	1	1	Фрагмент нижней челюсти с одним зубом
Еж (обыкновенный)	2	1	Две кости конечностей
Черепаха	3	1	Обломки панциря
Слепец	1	1	Обломок левой нижней челюсти
Рыба (сазан)	1	1	Нижнечелюстная кость с плотными зубами
Рыба (форель)	3	1	Три элемента черепа и позвонок
Дрофа	1	1	Фрагмент черепа
Свинья (поросёнок)	11	3	Фрагменты черепов молодых поросят
Ворон	29	1	Почти все элементы скелета
Сокол (пустельга)	9	1	Отдельные части скелета
Гусь домашний или дикий	2	1	Кости конечностей
Утка серая	2	1	Кости конечностей
Петух	18	1	Фрагменты черепа и скелета

Речной бобр — *Castor fiber* L.

О наличии и промысле этого зверька свидетельствуют находки остеологических остатков на Шенгавитском поселении III тыс. до н. э. и в доме врачевателя в Аргинтихиниц. Зверек этот обитает в Армении, Турции и Иране¹², ведет полуводный образ жизни. Населяет берега медленно текущих рек и озер, что позволяет полагать обитание бобров и на Араксе, а может быть, и в районе Меца-мора. Эти места располагались в радиусе от

¹² Н. Шонен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб, 1852.

¹¹ А. А. Мургирова, Раскопки Аргинтихиниц, СА, 1967, № 4, стр. 229.

5 до 16 км от Аргиштихнини и жители его находили бобров недалеко от городских хозяйств. Известно, что помимо ценного меха речной бобр имеет не менее ценную «бобровую струю» — мускус (экстракт особой при-

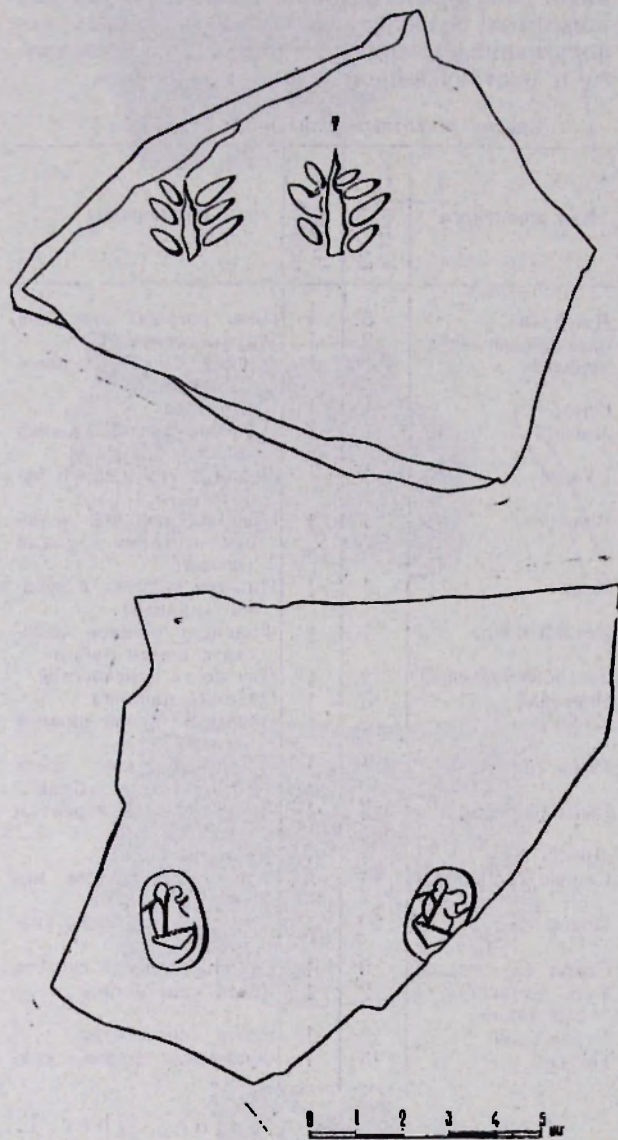

Рис. 76.

даточной железы, встречающейся у обоих полов) — употребляющуюся в медицине с древних времен. В прошлом мускус использовался в восточной и европейской медицине. Возможно, что в древности он использовался также при изготовлении благовоний. Ведь само слово «мускус» происходит от персидского слова «мушк» именно в значении благовонного и закрепляющего средства¹³.

¹³ В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, Млекопитающие Советского Союза, изд. «Высшая школа», М., 1961, стр. 97.

Бобровая струя, по-видимому, широко использовалась в античное время и «определяется в армянском, как и во всех европейских языках, греческим термином «афродитикон», т. е. опять-таки имея в виду лекарство возбуждающее, прописываемое при общем упадке сил»¹⁴.

Бобровая струя в армянских средневековых медицинских трудах упоминается под названием «яички бобра». В древности половые железы бобра обычно хранились в высушенном виде и употреблялись при надобности. Армянские врачи в прошлом применяли бобровую струю при нервных и психических болезнях, при ослаблении памяти, в качестве тонизирующего и возбуждающего средства. Ни одно лекарство животного происхождения не приводится у Амирдовлата Амасийского так часто, как бобровая струя. Последняя предлагается им при головокружении и «расточении сил», для усиления «половой близости»¹⁵ и «активации мозга»¹⁶.

Если в трудах Амирдовлата приводится свыше 150 названий животных, то большая часть упоминаемых в труде Мхитара Гераци лекарственных средств является веществами растительного происхождения (свыше 200) и лишь несколько средств животного происхождения. И в этом немногочисленном списке упоминаются: бобровая струя, паутина, раки, черепахи и жженные кости молодого поросенка.

Эта тема просачивается и в народные сказания и находит отражение в средневековых баснях, которые, несомненно, ходили в народе еще в языческие времена.

— «Иные упрекали бобра: «Почему ты прячешься в воду? И он сказал: «Потому что не довольствуются тем, что берут при жизни от меня железы, но и после смерти сдирают с меня шкуру»¹⁷.

Ту же тему врачевания и лекарственных снадобий затрагивает в баснях Вардан Айгегци: «Водится зверь, яйца которого — целебное средство. Когда он видит, что охотник настигает его, то он своими зубами отрывает у себя яйца и, бросив их охотнику, спасается»¹⁸.

Черепаха — *Clemmys caspica* Gm.

Вид этот в Армянской ССР обитает в реке Аракс, от Мегринского до Октемберяпского

¹⁴ И. А. Орбели, Избранные труды, т. I, Изд. «Наука», М., 1968, стр. 288.

¹⁵ Ամիրտովմար Ամիրտովմար, Անդրապատիկ, Վերականգնող, 1928, стр. 388, § 2188.

¹⁶ Там же, стр. 370.

¹⁷ И. А. Орбели, там же.

¹⁸ Н. Я. Марр, Сборники притч Вардана, т. I, СПб., 1899, стр. 188.

Рис. 77

районов, т. е. до района расположения древнего города Аргиштихинили. Вверх по притокам Аракса эти черепахи зарегистрированы в долине Арпы до 1360 м.

В общей этнографии первобытных народов не редки упоминания об использовании черепахи в лечебных целях, особенно черепаший желчи и яиц. Сопоставляя эти данные

с армянскими средневековыми источниками, находим довольно подробные и идентичные указания. Достаточно эрудированный армянский врач-биолог сообщает о существовании

на поверхности; никогда не водится в домах, зерновых амбарах, в складских помещениях. Ближайший район, откуда может быть добыт этот зверек—Талинский.

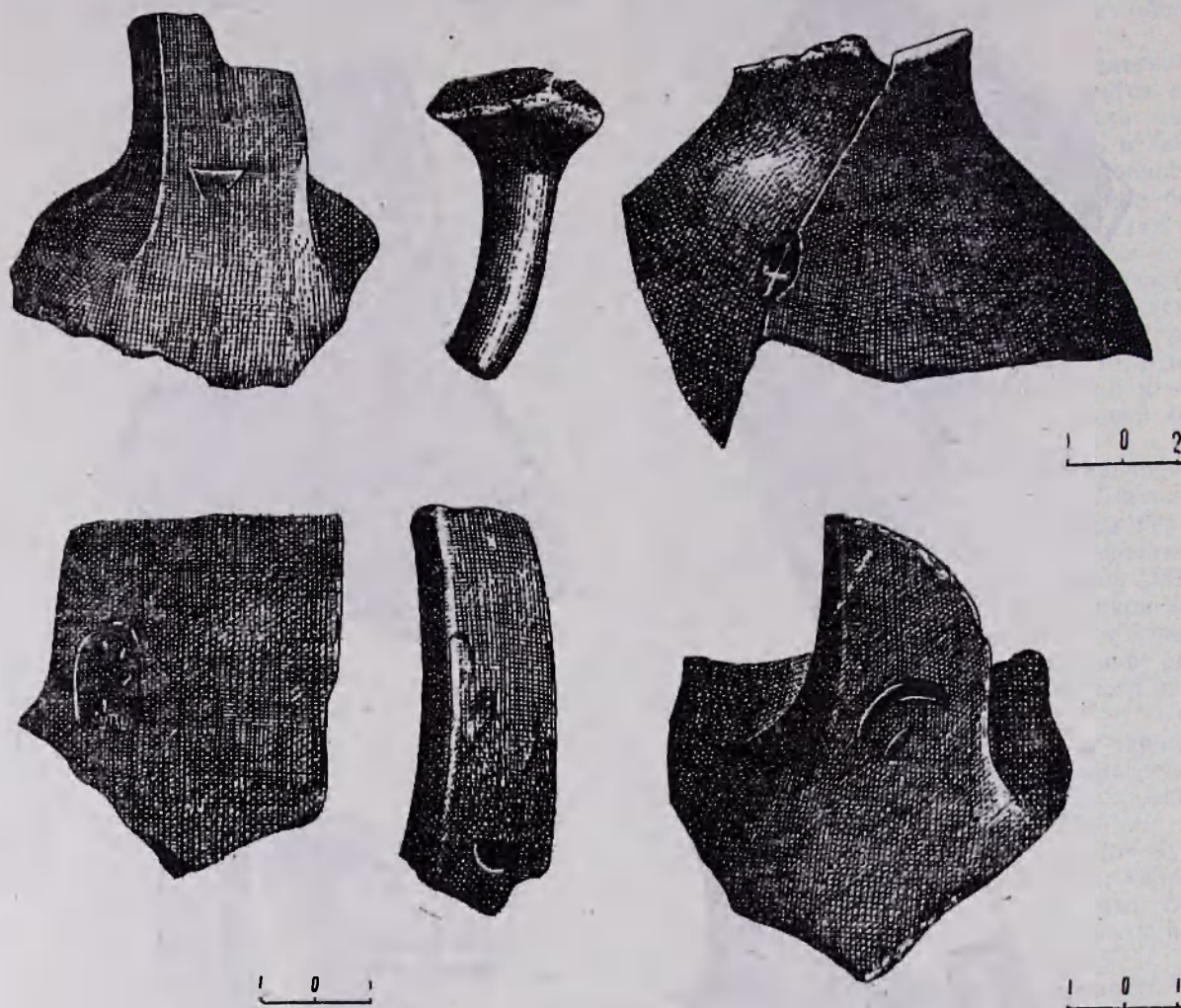

Рис. 78

двух видов черепах: болотной и сухопутной. При этом особенно любопытно, что в качестве объекта для приготовления лекарств приводится им именно водная. Он пишет о том, что черепаховая кровь при употреблении с вином помогает «при язве» и при «ушной болезни»¹⁹, «яйца—прекращают кашель, а желчь—кровотечение»²⁰.

Слепец — *Spalax leucodon*.

Зверек этот обитает в зоне горных степей, вертикальное его распространение от 1400 до 2439 м. Он ведет исключительно подземный образ жизни, совершенно не появляется

В средневековой медицине использовалась кровь слепца при туберкулезе, а «мозги, смешанные с розовым маслом» предлагались при «различных опухолях»²¹. Если же «голову слепца зажарить на костре, стереть в порошок и втянуть носом» моментально «удаляется зловоние из носу»²².

Считаем уместным напомнить, что в Армении и сейчас в народной медицине часто используется мясо слепца в качестве средства, приостанавливающего кровохарканье при туберкулезе.

¹⁹ Ամիրամբար Ամիրամբարի. у.к. соч., стр. 558, § 3357.

²⁰ Там же, стр. 538, § 3199.

²¹ Там же, стр. 225, § 1197.

²² Там же, стр. 226.

Еж — *Egipassus eugoreus* L.

Встречается в полупустыне, в горных степях, лугостепях и на участках зоны леса. Обычен в садах и по долинам рек с наличием кустарников и галерейных лесов; отмечен среди посевов зерновых культур и на огородах. Зарегистрирован в вертикальном распространении от 725 до 2450 м. Об употреблении различных органов и желчи ежа имеются многочисленные данные. О лечебных свойствах мяса ежа находим упоминание в знаменитом армянском Физиологе, где приводится подробная характеристика, позволяющая узнать в описываемом зверьке именно обыкновенного, а не ушастого ежа: очень образно говорится, что «при ходьбе морда напоминает мышиную»²³.

Средневековые медики предлагали жезлы ежа «против бешма на глазу», мясо от «заболевания почек» и при «укусе змеи»²⁴, а желчь «приостанавливала нежелательный рост волос»²⁵. О лечебных свойствах желчи ежа указанным автором приведены сведения, почерпнутые им из арабской медицины со специальным названием («марарат ил хуфуз»).

Мясо ежа в народной медицине употребляется и сейчас в качестве лекарства при различных ревматических и суставных заболеваниях. Это обстоятельство и легло в основу армянской народной загадки:

Сам—спадобье,
Спина—игла? (еж)²⁶.

Барсук — *Meles meles canescens* Blanford.

В Армении барсуки зарегистрированы в сухих субтропиках, полупустыне, в горной степи, лугостепях и в зоне леса на высоте от 550 до 1750 м.

Шкура барсука малоценна и промыслового значения не имеет, мясо у некоторых народностей употребляется в пищу. Очень ценным образом, из-за него. Сало широко питается барсучье сало, и охотятся на барсука, используется в народной медицине при ранениях, ревматических заболеваниях и даже при туберкулезе, т. е. аналогично медвежьему²⁷.

Волчонок и лиса.

Найдены остатки очень молодых особей.

Волк — *Canis lupus hajastanicus* Dahl.

В Армении волки распространены повсеместно. Обитают на высоте от 550 до 3800 м. Наибольшее количество волков в Армянской ССР зарегистрировано весной и летом на высокогорье, в местах выпасов и на кочевьях крупного и мелкого рогатого скота.

Не зря изображения волков часто встречаются в наскальных рисунках эпохи бронзы²⁸ на Загезурских летних пастбищах.

Волки в качестве пищи вряд ли добывались жителями Аргистихини. Шкура их также не представляет особой ценности.

Подробные сведения о применении тех или иных органов волка приводятся в средневековой медицине. Особенно часто упоминается жир волка для лечения внутренних и паружных язв. Экстракт «печени волчицы с красным вином» предлагается против «болей в печени», а «язык волчий с медом снимает длительную лихорадку»²⁹.

В народе распространено мнение, что печень волка помогает при сильном испуге.

Заслуженный врач республики В. А. Чакалян любезно сообщила нам, что в своей многолетней практике встречала много случаев, когда близкие больных туберкулезом кормили их мясом молодых волчиц и собак.

Лисица — *Vulpes vulpes* L.

В Армянской ССР лисы встречаются в различных ландшафтных зонах и разнообразных местообитаниях. Обычно она в скалах южной части республики в долине Аракса и на скелетных горах бассейна этой реки на высотах от 545 до 2000 м.

Можно вполне допустить, что лисица могла быть добыта ради пушнины, однако пастораживает молодой возраст зверька.

Остается предположить, что и лисья тушка служила в данном случае сырьем для изготовления различных спадобий. Лисий жир употребляется в народной медицине от «болей в суставах», а «высушенные и мелко просеянные легкие лисы» использовались при «чахотке и сильном кашле»³⁰. «Растопленный теплый жир» (если капать в ухо) снимает «шум и тяжесть в ушах»³¹. Любопытно также, что советуют мясо молодого лисенка (целиком) сварить в воде до полного разваривания

²³ Н. Я. Марр, ук. соч., т. III, Физиолог, стр. 156 (16 В).

²⁴ Ամիրանի վրա Ամիրանի, ук. соч., стр. 311, § 1837

²⁵ Там же, § 2014, (стр. 345).

²⁶ Ս. Բ. Հարությունյան, Հայ ժողովրդական հանելուկներ, Երևան, 1965, էջ 62.

²⁷ В. Г. Гептнер, Н. П. Наумов и др., Млекопитающие Советского Союза, т. II, М., изд. «Высшая школа», 1967.

²⁸ А. А. Мартиросян, А. Р. Нерсисян, Наскальные изображения Гегамских гор, Изд. АН АрмССР, Ереван, 1971; Г. О. Караханян, П. Г. Сафян, Наскальные изображения Сюникка, Изд. АН АрмССР, Ереван, 1970.

²⁹ Ամիրանի վրա Ամիրանի, ук. соч., стр. 113, § 601.

³⁰ Там же, стр. 44, § 93.

³¹ Там же.

и положить на те части, где «чувствуется боль в костях»³².

Заяц—*Lepus europaeus* Pall.

Заяц в Армянской ССР распространен повсеместно. Относительно применения раз-

ливает кровотечение из носу»³⁵, а кровь, выпитая женщиной, «способствует зачатию и укреплению зародыша»³⁶.

Рыбы представлены в интересующем нас материале двумя видами—сазан и фо-

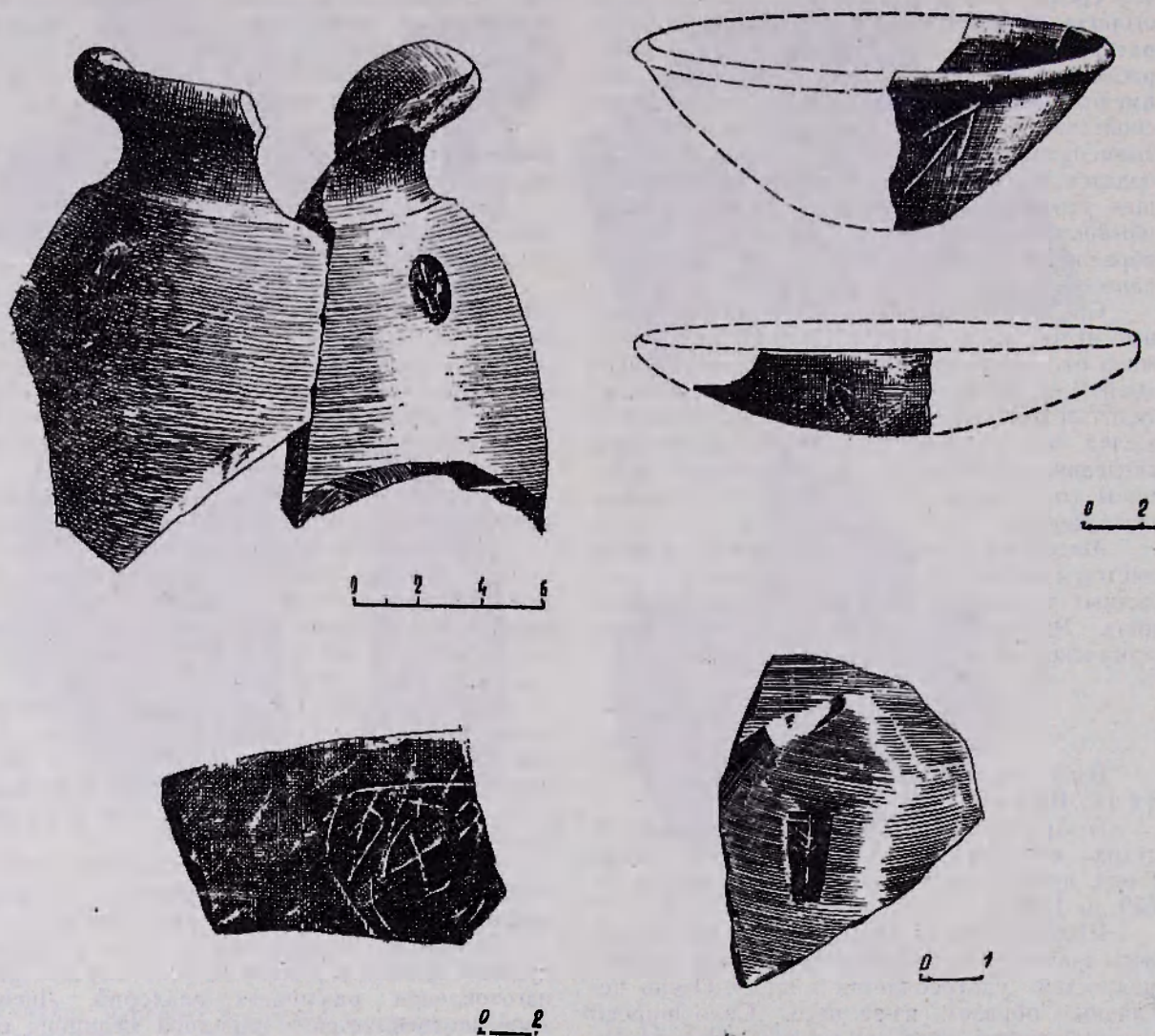

Рис. 79

личных частей зайца в качестве лечебных снадобий сохранилось множество данных в источниках армянской народной медицины. Заячья желчь, смешанная с мукой, смолой и вином,—пишет Амирдовлат,—является «идеальным средством при хронической бессоннице»³³. «Заячий жир» предохраняет волос от выпадения»³⁴. Измельченный, превращенный в порошок жженный волос зайца «приостанав-

рель. Первый—*Suiprinus carpio* L. В Армянской ССР встречается в Араксе, Севджуре, в низовьях рек Раздан, Ахурян и, главным образом, в бассейне озера Арпи-лич.

Второй вид рыбы трудно определим по сохранившимся остаткам—относится ли он к севанской форели или ручьевой. Наиболее благоприятные условия обитания ручьевая форель находит в воде при температуре до 15°. Так что наличие этих рыб в реках бли-

³² Там же.

³³ Там же, стр. 345, § 2015.

³⁴ Там же, стр. 491, § 2941.

³⁵ Там же, стр. 544, § 3236.

³⁶ Там же, стр. 91—92, § 500.

жайших к Аргиштихили районов—весьма вероятно.

В народной медицине рыбы широко применялись для лечения различных болезней. Средневековым медикам Мхитару Герацци и Амирдовлату был известен рыбий жир, называемый у них «*հիւր հիւր*», который рекомендовался женщинам «для усиления половой близости и верного зачатия»³⁷, а мелкая ручьевая рыба, промолотая вместе с костями «снимает опухоли»³⁸. Излечить от однодневной лихорадки может «теплая ванна и свежая речная рыба, только та, которая имеет нежное мясо, а не грубое и клейкое»³⁹. И в наши дни знахари применяют свежую рыбу при вывихах, трещинах и переломах костей конечностей, заменяя ею еще фиксирующую гипсовую повязку.

Дрофа—*Olis tarda tarda* L.

В Армянской ССР зарегистрирована во время пролета и, частично, на зимовках. Осенью на пролете ее бывает, по словам охотников, довольно много в Сардарабадской степи⁴⁰. Это единственный район, откуда дрофа могла добываться жителями Аргиштихили. В армянской средневековой медицинской литературе приводится арабское название этой птицы «*القطر*», чем подчеркивается ее широкое применение в арабской медицине. Против «непрекращающихся резей в желудке» предлагалось растереть жир дрофы в равном количестве с солью и принять «пилюлю, величиной с горошину натошак», высушенную и мелко просеянную кожу дрофы, смешанную с растительным маслом, прикладывали к глазу «если начиналось помутнение глаза»; растопленный жир применялся при обмороживании⁴¹.

Ворон—*Corvus corax* L.

Редкая для Армении птица, принадлежит очень взрослой особи, имеющей, несомненно, черное оперение (так называемое «воронье крыло»). Как отмечает Амирдовлат, именно эти животные пригодны для получения лекарства против наружных ран, а также против суставных заболеваний.

Пустельга (сокол)—*Falco tinnunculus* L.

В Армении широко распространена оседлая птица, встречающаяся и гнездящаяся как в более низких районах, так и в горах до

высоты 3000—3500 м над уровнем моря. Размножается пустельга в долине Аракса в мае-июне. Гнездится на деревьях, в скалах, на различных строениях и, реже, на земле, по безлесным оврагам.

Народная медицина, по-видимому, широко применяла как мясо, так и отдельные внутренние органы различных соколиных. Высушенное и мелко протертое мясо пустельги предлагалось принимать натошак, запивая холодной водой «для прекращения кашля» и при слабой работе сердца. А если печень протереть в руке и провести по глазам—улучшится зрение и пройдет помутнение⁴². Чрезвычайно интересно применение и сейчас у эскимосов и нанайцев мяса пустельги и других мелких соколиных. Оно аналогично применению нашими знахарами рыбы.

Гусь (домашний или дикий)—*Anser anser* L.

В Армянской ССР гуси гнездятся на Севане и в небольшом количестве в бассейне оз. Арпи-лич. На пролете обычны в долине Аракса.

Гусиное мясо и жир еще издавна считались целебными. Средневековые врачи рекомендовали гусиное мясо очень истощенным, худым. Считалось, что оно улучшает голос, цвет лица, а печень оздоравливает кровь. «Растопленный гусиный жир» снимает боль и шум в ушах, а также «исцеляет от болей в суставах», помогает при обмороживании⁴³. Значение последнего и по сей день велико. Жир гусей применяется повсеместно как профилактическое средство, особенно у северных народов.

Серая утка—*Anas strepera* L.

В Армении держится оседло и встречается почти на всех более или менее значительных водоемах (Севан, Арпи-лич, Айг-лич, Аракс и др.). В наших условиях гнездится в июне.

В средневековой медицине мясо, жир и печень утки имели то же самое применение, как и таковые гуся. Однако считалось, что «кровь утки приостанавливает длительный понос» и, что особенно важно, «нейтрализует действие ранее принятой смертельной дозы лекарства»⁴⁴.

Домашний петух—*Gallus domesticus*.

Найдены кости скелета очень взрослой особи. Весьма удивительно, что эндокринология, процветающая в современной нам биологии, дает о себе знать в средневековой медицине и даже много раньше, в V в. н. э. у Ла-

³⁷ Там же, стр. 276, § 1606.

³⁸ Там же, стр. 277, § 1606.

³⁹ Мхитар Герацци, Утешение при лихорадках, Ереван, изд. «Анастан», 1968, стр. 86 п 191.

⁴⁰ А. Ляйстер, Г. Соснин, Материалы по орнитофауне Армянской ССР, Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1942, стр. 141.

⁴¹ Ամիրտովար Ամասիացի, укр. соч., стр. 272, § 1582.

⁴² Ամիրտովար Ամասիացի, укр. соч., стр. 520, § 3088.

⁴³ Там же, стр. 356—357, § 3345.

⁴⁴ Там же, § 33, 45.

Рис. 80

заря Парбеци⁴⁵. Дело в том, что в то время уже было известно, что семенники петуха и теленка «прибавляют семя», «усиливают зачатие», «укрепляют зародыш», «оживляют и усиливают половую силу», т. е. оказывают то действие, которое в наши дни доказано опытами многих ученых. Известно, как нашушили в последней четверти XIX столетия опыты знаменитого ученого-физиолога Броун-Секара по «омолаживанию». В 20-е годы нашего столетия немецкий ученый Штайнбах в Вене и русский ученый Воронов в Париже своими интересными опытами снова вернулись к этой преданной забвению проблеме.

Переходя к описанию четырех видов копытных животных, останки которых обнаружены в указанном доме (олень, муфлон, безоар и джейран), отметим, что все они, за исключением джейрана, представлены костными остатками одной особи. Найдены рога перечисленных животных тщательно отпиленные у основания.

Олень — *Cervus elaphus caucasicus* L.

Вид этот ныне отсутствует на нашей территории. Еще в недалеком прошлом кавказский благородный олень встречался и был широко распространен в лесах северной, восточной и южной Армении. Местонахождения ископаемых и субфоссильных остатков, а также многочисленные их изображения в петроглифах и на бронзовых поясах первобытной Армении свидетельствуют о весьма широком распространении данного вида. Олени издавна известны как ценное промысловое животное, одной из причин добывания которых было получение лекарственных веществ.

Желчь многих животных имела широкое применение в древней и средневековой медицине; одной из наиболее эффективных считалась оленья желчь. Она входила в состав слабительных лекарственных смесей, различных мазей, применявшихся для лечения труднозаживающих язв. Экстракт оленьей желчи применялся в медицине вплоть до XIX века. Мхитар Герацц при чахотке с кровохарканьем в случае необходимости как слабительное средство рекомендует «вытяжку из желчи»⁴⁶.

Амирдовлат, говоря устами «сына Синая», утверждает, что полезно «высушить половые члены оленя, растолочь, смешать с вином и выпить—усилится половая близость»⁴⁷. Эти данные великолепно увязываются с распространенным и в наши дни использованием некоторых атрибутов оленя в медицине. Известно, что добывают оленя и в наши дни не

ради мяса в основном, а из-за пант. окостеневших рогов и других частей тела. В частности, хвосты и половые члены самцов «пырки» и «лутай» используются в некоторых районах СССР (эвенками, нанайцами и др.) как возбуждающее средство, при родах и в качестве лечебных препаратов от различных недугов (сердечные и половые заболевания, малярия и др.)⁴⁸. Что касается использования окостеневших рогов, то последние у оленей, равно как и у трех остальных видов (муфлон, безоар и джейран) имеют почти идентичное применение.

Горный баран, муфлон — *Ovis melini* Bl.

На нашей территории зарегистрирован по склонам отрогов Зангезурского хребта, далее на запад он встречается на Айоцдзорском и Урцском хребтах. Распространение по вертикали—от 700 до 3130 м. Муфлоны совершают сезонные миграции: летом они пасутся на горно-степных участках скелетных гор, зимой спускаются ниже—к подножию хребтов, вплоть до равнин в долине среднего течения реки Аракс.

Джейран — *Gazella subgutturosa* Güld.

Типичный обитатель открытых полупустынь, избегает сильнокаменистых участков.

Имеются указания о существовании джейранов в долине среднего Аракса еще в середине прошлого столетия⁴⁹. Очевидно, джейраны здесь были уничтожены на загонных охотах лишь во второй половине прошлого столетия. Первые находки остатков джейрана сделаны на стоянке каменного века Ереванской пещеры, затем в урартских городах Тейшебаини и Аргиштихинили. Все три находки зарегистрированы на Арагатской равнине.

Безоаровый козел — *Capra aegagrus* Egl.

В Армянской ССР встречается на скальных массивах Зангезурского хребта. Обитает на высотах от 550 до 3200 м. Типичным местообитанием безоаровых козлов являются скалистые массивы и каменистые россыпи на склонах скелетных гор с изреженной древесной растительностью. В холодное время года безоаровые козлы из высокогорных районов спускаются на скалы нижерасположенных массивов. В прошлом они были довольно широко расселены. Не случайно, что тысячи изображений безоаровых козлов встречены

⁴⁵ Ա. Գ. Տեր-Պողոսյան, *Բնութագրական ճարտարագիտական հետազոտություններ, Երևան, 1960, էջ 100.*

⁴⁶ Мхитар Герацц, ук. соч., стр. 136.

⁴⁷ Ամիրдовլատ Ամասիայի, ук. соч., стр. 38, § 49.

⁴⁸ В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, там же.

⁴⁹ И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб., 1852.

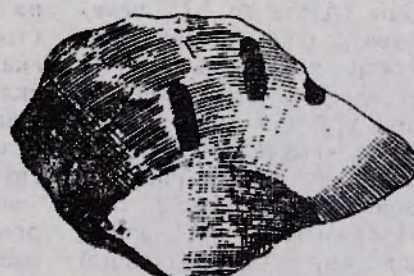
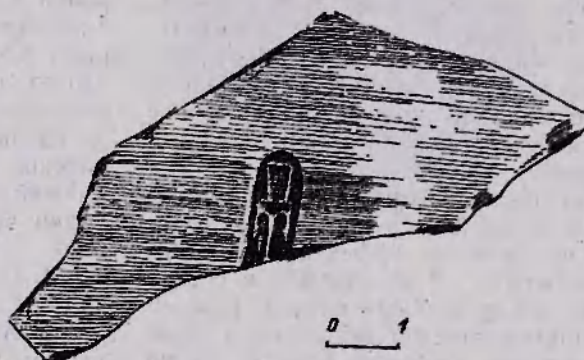
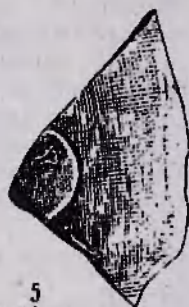
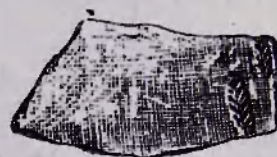
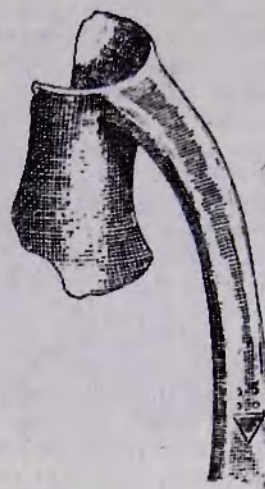

Рис. 81

именно в наскальных изображениях горных массивов Арагаца, Загезура, Гегамских гор и других возвышенностей Армянского нагорья.

Промышляется безоаровый козел из-за мяса, шкуры и окостеневших рогов.

Рога оленей, джейранов, сайгаков и безоаровых козлов в дореволюционные годы шли на экспорт в Китай (использовались в «тибетской медицине») ⁵⁰. Очень широко использовались рога в нашей народной медицине. Пережженные и мелко просеянные рога, растворенные в растительном масле предлагались в качестве лекарства для больных активным туберкулезом, а также женщинам для «облегчения родов» и при многих других болезнях ⁵¹. Народная медицина широко использовала жир дикого козла, «жженые копытца с растительным маслом» для лечения «труднозаживающих язв» ⁵².

«Безоар» в средние века и даже в более поздние времена в Европе и в некоторых других странах считался магическим «камнем», помогающим при бесплодии, а также при отравлении. На Руси он назывался «безуи» или «безуи-камень» и ему приписывались те же свойства—«едва безуем отлизался» писал патриарх Никон царю Алексею Михайловичу, жалуясь, что его кто-то пытался отравить ⁵³.

И, наконец, несколько слов о наличии среди описанных остатков диких животных, фрагментов черепов трех особей домашних молочных поросят.

Обращаясь к народной медицине, трудно найти какое-либо домашнее животное, которое имело бы такое широкое применение, как свинья. Небезынтересен и тот факт, что кроме применения тех или иных органов в медицине, впервые описывается употребление жира и жженных костей свиньи в качестве косметических средств.

Если «несколько подержанное сало молодой свиньи» «приложить к глазам» последние приобретут блеск; или: порошок, полученный от жженных костей опять же молодой свиньи «придаст ослепительную белизну зубам» ⁵⁴. Если «кости молочной свиньи сжечь и посыпать им раны—они иссушатся», «жир поможет ожоговым язвам» и от укуса скорпио-

на» ⁵⁵, а желчь, «приготовленная с медом и перцем, будет способствовать росту волос» ⁵⁶ и «залечит язвы кишок» ⁵⁷. Моча молодого самца «растворит камень» ⁵⁸. Таков далеко не полный перечень всех лекарственных средств, основой которых служат молодые свиньи.

У нас впервые появилась возможность определения так называемых «лекарственных животных», однако нет сомнения, что урартские врачеватели также хорошо владели методами изготовления всевозможных целебных средств из цветов, растений и трав, которые, к сожалению, не могли сохраниться.

Из анализа вышерассмотренных материалов видно, что при раскопках дома № 1 третьего квартала был выявлен состав животных явно не хозяйственного, в большинстве случаев даже не промыслового назначения. Очевидно, что в данном случае представлен весьма специфический состав животных, предназначенных для изготовления различных лекарственных средств и снадобий, каковые очень широко применялись в эпоху первобытности, складывания раннеклассовых обществ и на протяжении всего средневековья. Сохранение и развитие глубоких традиций народной медицины видно хотя бы из того, что некоторые из приведенных выше лекарственных средств общи для современных примитивных племен, народов Древнего Востока и средневекового населения на обширных территориях Азии, Африки и Европы. К сожалению, остатки упомянутых средств или какие-либо клинописные документы относительно их изготовления не сохранились. Однако уже то обстоятельство, что материал урартской эпохи прямо и тесно увязывается с фольклорными данными, с современной народной медициной и с научными медицинскими трактатами Армении, созданными на основе тысячелетнего опыта и использования передовых идей Востока, указывает на непрерывность развития врачевания в Армении, корни которого нисходят, возможно, к каменному веку. Ограничиваясь лишь некоторыми наблюдениями, соображениями и догадками, мы не упомянули и десятой доли известного материала. Однако и приведенные данные позволяют указать, что уже в начале I тыс. до н. э. люди изобретали или совершенствовали средства против таких заболеваний, как общее недомогание, вялость, болезни почек, легких, органов внутренней секреции, слуховых и дыхательных органов, против малярии, «упорной» лихорадки и прочих болезней. Однако, как видно, в народной медицине

⁵⁰ В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, укр. соч., стр. 170.

⁵¹ Ամիրանի վրա Ամասիացի, укр. соч., стр. 314, 135, § 1859.

⁵² Там же, стр. 342, 343, § 2000.

⁵³ В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. И. Банников, укр. соч., стр. 533.

⁵⁴ Ամիրանի վրա Ամասիացի, укр. соч., стр. 222, § 1169.

⁵⁵ Там же, стр. 192, § 976.

⁵⁶ Там же, стр. 344, § 2008.

⁵⁷ Там же, стр. 421, § 2467.

⁵⁸ Там же, стр. 465, § 2759.

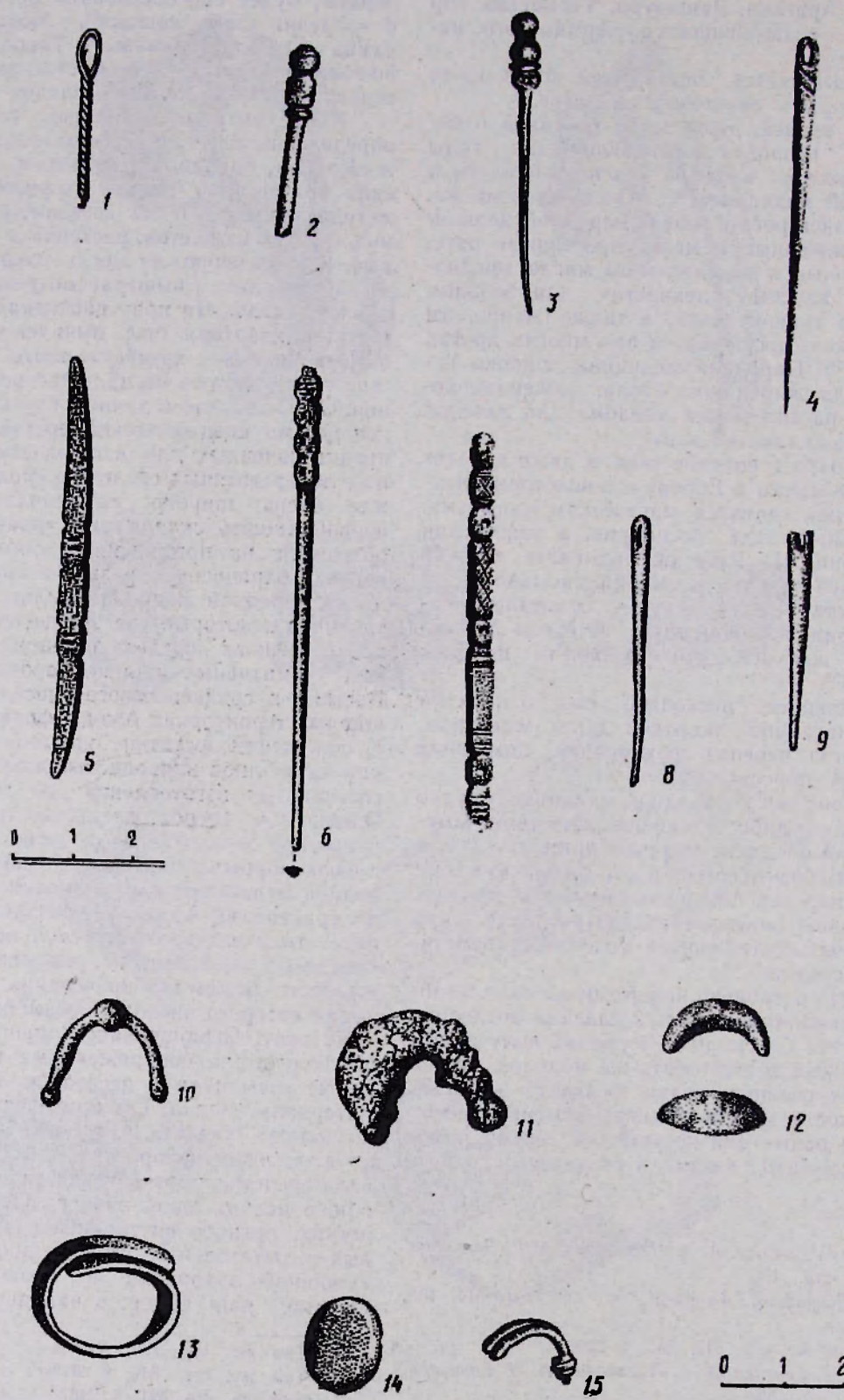

Рис. 82. Металлические булавки, шилья, фибулы.

древнейших времен обращалось самое пристальное внимание на средства, укрепляющие материнский организм, мужскую силу и человеческий зародыш. Это все связано с первобытной универсальной идеологией плодородия, продолжения, обновления и увеличения рода.

* * *

Остальные дома III квартала города Аргиштихинили не исследованы, так как расположены, главным образом, на скатах холмов и не сохранили почти никаких остатков материального производства. Дислоцированные же в равнинной части внутреннего города дома попали под абрикосовую рощу и поля местного колхоза. В аналогичной ситуации находятся и развалины домов первого квартала, непосредственно примыкавшего к восточным башням западной крепости и к южной ограде внутреннего города. Здесь, у юго-восточной конечности крепости находились одни из ворот внутреннего города, через которые осуществлялось сообщение с южными внешними кварталами. На гладкой лакушке базальтовой скалы (С) возвышались некогда два продолговатых больших здания, между которыми проходила улочка, ведущая прямо к пандусу восточного парадного входа крепости. Вероятно, здесь обитали знатные люди города, однако от их жилья сохранилось только по одному ряду прямоугольной кладки цоколя. Севернее этих домов зафиксированы остатки многих построек, особенно хорошо сохранившихся, но находящихся ныне под деревенскими домами.

Археологически очень трудно определить принадлежность каждого особняка представителю какого-либо городского сословия. Ясно одно, что внутренний город служил обиталищем высших сословий горожан и важных производственников, которые выполняли руководящую функцию. Поэтому нетрудно полагать, что именно в этой части города, наряду с людьми упомянутых профессий или должностей, должны были проживать и другие лица, связанные с экономикой города ($LUN|G$ - $\dot{S}ID$ „человек счета“, $LUKUG meš$ „человек денег“, $LU\dot{S}E.NUMUN-ḥu$ „человек посева“, $LUNA.KAD$ „старший пастух“ и другие), категории людей, связанных с дворцовой службой („виночерпий“— $LU\dot{E}.TIN$ “, „евнух“— $LU\dot{S}A.RE\dot{S}I$ и другие), категория разностепенных служителей культов и вообще представители mag , каковые наиболее часто упоминаются в документах городского архива Тейшебаини.

Описание вышерассмотренных бытовых памятников внутреннего города настоятельно требует исторической интерпретации добытых археологических данных, какого-то обобщения всего материала. При этом обращают на себя внимание значительные масштабы жилых домов, величина центральных общесемейных помещений и окружающего их множества складских и хозяйственных помещений. Очевидно, что подобные бытовые комплексы

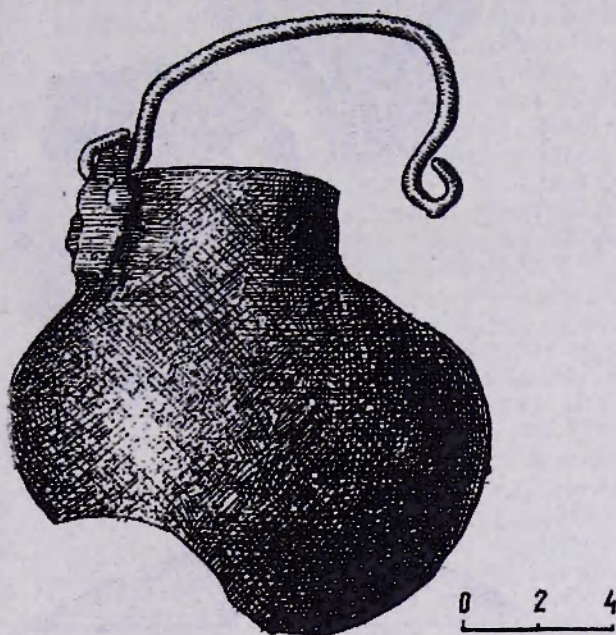

Рис. 83. Фрагмент урартского котелка.

могли быть предназначены для больших кровно-родственных коллективов, насчитывавших несколько десятков членов большесемейной общины с представителями не менее трех поколений. Иначе совершенно необъяснимо наличие жилых площадей до 140—200 м² и запасов продовольствия в объеме 10—20 тысяч литров вина и соответственно других сельскохозяйственных продуктов.

Сказанное позволяет заметить, что серия рассмотренных домов внутреннего города отражает жизнь большесемейной урартской общины, отличавшейся локальным (общие жилые помещения, семейные священные уголки) и хозяйственным (общие хозяйственные помещения) единством, при раздельном малосемейном (наличие нескольких кухонных помещений) потреблении⁵⁹.

⁵⁹ Э. Т. Карапетян, А. А. Мартиросян, Жилища большой семьи, рукопись.

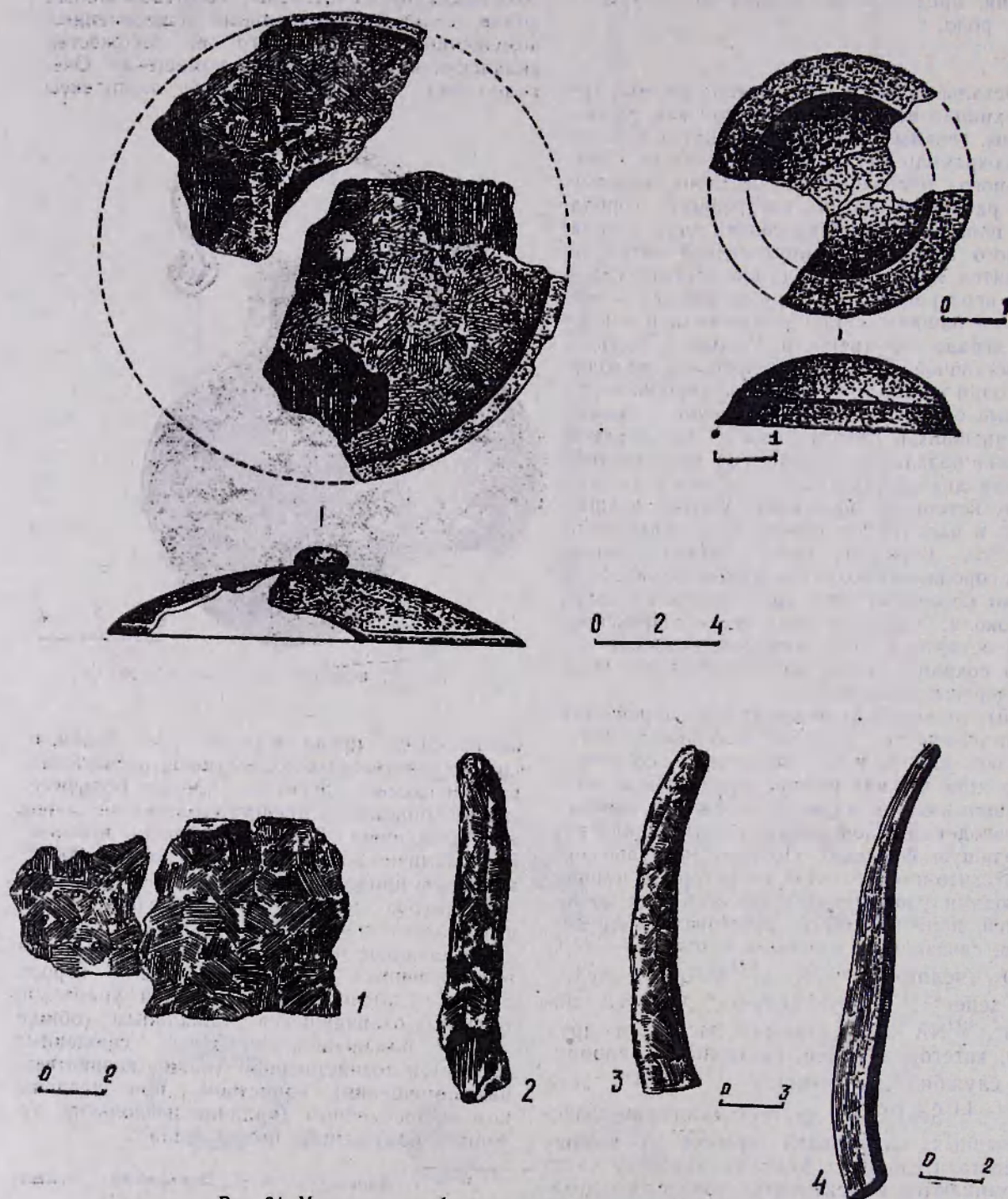

Рис. 84. Металлические бляхи, пуговицы, решето, зигатти.

Некоторые неотразимые факты подтверждают принадлежность рассмотренных урартских особняков большесемейным общинам, образовавшимся в Армении не позднее III тыс. до н. э. и продолжавшим свое существование в эпоху бронзы, железа и в армянское время. Чрезвычайно важно, например, что дома города Аргиштихинили находят свои довольно четкие параллели в армянском этнографическом материале. Сопоставление урартских домов с характерным вариантом армянского глхатупа—жилища большесемейной общины не оставляет сомнения в их полной тождественности. О существовании большесемейной общины в рассматриваемый период истории Урарту имеются и прямые сведения ассирийских источников⁶⁰, в которых перечисляется иногда количество членов семьи от 80 до 260, представителей нескольких поколений. Важно напомнить здесь, что Мовсес Хоренаци в роду легендарного родоначальника армян Хайка насчитывает до 320 членов, в число которых включены, однако, и рабы, рожденные уже при этом роде⁶¹. Установление факта наличия большесемейных общин в урартских городах имеет колоссальное значение для подсчета общего количества населения Аргиштихинили. При этом учитываются средний численный состав большесемейных общин урартов и армян, площади жилых и хозяйственных помещений, возможности хранения продовольственных продуктов, плотность застройки различных кварталов города и наличие пустырей по данным ситуационного плана.

Можно предполагать, что в городских кварталах Аргиштихинили проживало в общем около 30000 человек. Естественно, предложенная цифра сугубо предварительна и нуждается в дальнейшем уточнении. Помимо этого, очевидно, не всегда в этих кварталах проживало одинаковое количество людей.

Во второй половине исторической жизни города, начиная с конца VIII в. до начала VI в. до н. э. наблюдается сильное уплотнение прежних жилых площадей, масса перестроек, в результате которых просторные великолепные дома в корне изменяются в планировке, подразделяются на ряд изолированных ячеек, предназначенных для жилья отдельных семей. Было бы легче всего предположить в данном

случае сегментацию большесемейной общины, однако трудно представить столь скоротечный распад основной хозяйственной единицы общества—кровно-родственной большой семьи при низкой производительности труда и, с другой стороны, такому предположению мешает явно прослеживаемая смена социального состава населения внутреннего города, что могло быть связано исключительно с внешне- и внутривосточной ситуацией в пределах этого царства. Подобная картина наблюдается во всех урартских городах Араратской равнины. Уплотнение населения этих городов могло быть результатом исключительно утери царством всех присеванских территорий, происшедшей после гибели царя Русы I, сына Сардури, и никогда более не восстановленной. Впоследствии в корне изменился и социальный состав населения города. Это было вызвано, несомненно, возникновением нового административного центра—города Тейшебани, куда перекочевала верхушка населения, знать города и значительное число ремесленничества. В великолепных зальных помещениях появлялись хлевы, хозяйственные неряшливые помещения, скотские и жилые помещения часто строго не разграничивались. В доме № 6 II квартала было устроено три-четыре хлева, в доме № 1 хлев оказался в зальном помещении. Примерно такие же перемены произошли и во всех других домах. Население города стало в основном земледельческим. Былая роскошь города исчезла, крепости были запущены, дворцовые инвентари перевезены большей частью. Жилые площади значительно сократились, население обитало в тесноте, без особых удобств, но город сохранил значение житницы царства, продолжал производство земледельческих и скотоводческих продуктов и ремесел.

В связи с изменением социального состава населения в городе более широко распространились дома, простые, сооруженные без особой планировки, вне определенных капонов домостроительства и, главное, очень небогатые. Наличие этих домов показывает, что не все население города было зажиточным. Рядовые земледельцы все же подвергались жестокой эксплуатации, что находилось в прямой зависимости от затухания экспансивной завоевательной политики царства на Востоке.

Один из подобных домов частично раскопан на территории внешнего города, другие—зафиксированы. К ним мы вернемся в следующем выпуске экспедиционного отчета.

⁶⁰ АВИУ, ВДИ, 1951, № 2, стр. 317, 325; ВДИ, 1951, № 3, стр. 209 и др.

⁶¹ Մովսես Խորենացի Պատմութիւն Հայոց, գիրք Ա, 41. Ժ.